

Александр Шакилов
Война кротов
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592555
Метро 2033: Война кротов / Александр Шакилов: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-071488-9, 978-5-271-32554-0*

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

«Война кротов» – первая книга серии не о России. Место действия – постъядерный Киев. Время действия – 2033 год. Герой – человек, которого настоящее приключение вырывает из мирной жизни, а на карте оказывается покой его родной станции, жизнь близких и судьба всего Киевского метро...

Содержание

Стирая границы	4
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Шилов

Метро 2033: Война кротов

Стирая границы

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Этот момент настал. Отныне «Вселенная Метро 2033» – это не только Россия.

Место действия романа Александра Шакилова – постядерная Украина, бывший город Киев и, конечно, его метрополитен. Киевское метро мало чем уступает московскому – разве что размерами и разветвленностью. Во всем остальном оно – тот же грандиозный противо-атомный бункер. Случись ядерная война, киевляне спасутся в нем так же, как москвичи – в своем.

В моем «Метро 2033» герои размышляют – выжил ли кто в других городах бывшего СССР, где было метро. Александр Шакилов в своей «Войне кротов» объявляет: выжил! Жизнь у героев его книги трудная. Каждую секунду им грозит смертельная опасность. Но братский народ по своей способности выживать и приспосабливаться еще даст нам фору.

Конечно, на украинской экспансии «Вселенной Метро 2033» мы не остановимся. «Metro 2033: Britannia» англичанина Гранта МакМастера уже дописан. Я только что закончил его читать и отправил на перевод. Книга выйдет на русском в марте и приоткроет нам карту Великобритании в 2033 году.

Книга будет удивительная и очень английская: герой будет держать оборону старинных замков и церквей от чудовищ и варваров, путешествовать вместе с цыганским караваном, влюбится запретной любовью, сядет в единственный на всю Британию уцелевший поезд – все, чтобы попасть в мрачный и загадочный Лондон, куда работоторговцы угнали его семью.

В проекте хотят принять участие авторы из Индии, Швейцарии, Америки и Японии. И, разумеется, мы продолжим публиковать романы о Москве и других российских городах.

«Метро 2033: Война кротов» – юбилейная, десятая книга нашей серии. А сколько их будет всего, решать вам. Ведь «Вселенная Метро 2033» – безгранична!

Дмитрий Глуховский

Глава 1

Боб Дилан

– Я тебя съем! – осклабился нигериец, дыша Серёге в лицо.

Зубы у бродяги были неприлично белыми. В отличие от рожи, словно измазанной дёгтем.

На миг Сайгон – так называли Серёгу на Святошине – позавидовал ему. В метро только один стоматолог, и тот пользуется пациентов плоскогубцами и ручной дрелью. Палач, а не целитель. И обитает он на Вокзальной, а туда ещё попробуй доберись, к тому же это территория блаженного старца Лёнчика Космоса...

Ничего, Сайгон отучит нигерийца хвастать прикусом, пусть только разок проколется. Давай-ка, одно неверное движение. Ну же, ну!..

Жаль, бродяга вовсе не спешил глупить. Наоборот – пальцы на горле пленника словно превратились в арматурные пруты. Ещё двое африканцев держали Сайгона за руки. И двое за ноги. Они из племени йоруба и поклоняются Огуну. Перед тем как Сайгона сшибли с ног, он увидел на мачете и цепях пришлых знаки бога войны.

Иммигранты, пацук их закусай! Понаехали! Нашли приют в метро, когда три с половиной миллиона земляков Сайгона умерли от лучевой болезни и бактериологического оружия! Чего-чего, а этой дряни враг для Киева не пожалел.

– Съем! – вновь клацнули безупречные зубы.

На ферме Сайгон хозяйничал в одиночестве, так что на помощь прийти некому, кролики и хомяки в клетках не в счёт – бойцы из них никакие. И куда, скажите, смотрит охрана станции? На разряженных по случаю праздника девиц? На шашлыки из крольчатины и тазики с маринованными грибами? Проморгали нигерийцев, эх, проморгали!

Хорошо хоть Светка, дражайшая супруга, и сын Андрюшка внизу, на платформе. Им весело – вокруг пластмассовой ёлки хороводы водят. Тридцать первое декабря как-никак, все отдыхают. Один только Сайгон... Ну да кто ему, трудоголику, виноват, что не любит он песни и пляски? Сидел бы сейчас в сторонке, попивая самогон или картофельную брагу. Так нет, попёрся к турникетам, где много лет назад выбил местечко для зверья!..

Пальцы нигерийца сжались сильнее. Сайгон успел набрать воздуха в грудь, но глаза уже затягивала багровая пелена. Когда она станет белой, не станет Сайгона.

– Я тебя съем! – услышал он будто издалека.

Сайгон не мог даже рукой пошевелить, вообще никак! Оставалось смириться и ждать смерти. Но сдаваться он не умел. С первых дней в подземке чётко уяснил: упал – поднимайся, не можешь подняться – ползи, делай хоть что-нибудь. И не путай судьбу с глупостью и ленью.

Старики говорят, что смерть – это старуха в балахоне и с косой в артритных мослах. Ничего подобного. Смерть – это молочно-снежная равнина, куда ни кинь взор.

Нигерийцы лопотали что-то на своём языке, а Сайгон думал о том, куда попадёт, когда сдохнет. В ад, который вовсе не под землёй? У ада другая прописка вот уже лет двадцать: на поверхности планеты. Бывает ли теперь над городом радуга? Вряд ли...

Какие-то не те мысли перед смертью, верно?

Это потому, что Сайгон не собирается умирать по-настоящему.

Хватка на горле ослабла. Йоруба отпустили добычу, поднялись. Решили, что дух зверовода отправился на ПМЖ к предкам. Похоже, Сайгон их разочаровал – слишком быстро окочурился, слабак.

Отходя к двери фермы, каннибалы заспорили о дальнейшей судьбе жертвы. Просто разделать труп и употребить в пищу нельзя, надо провести обряд. Но это опасно: а вдруг кто заявится и поднимет тревогу? Сайгон ни слова не знал на их языке, да только не надо быть полиглотом, чтобы сообразить, о чём речь. В метро чужие наречия быстро становятся понятными. Все люди братья. Феномен, да?

Сайгон открыл рот, жадно заглотнув как можно больше воздуха. Только бы не закашлять! И хоть на него пока что не обращают внимания, нельзя выдать себя раньше времени!

Нигерийцев было пятеро. Худые. Всей одежды – набедренные повязки из грязной гнилой ткани. Вооружены цепями и мачете. Огнестрела нет. Вроде бы нет. Но лучше исходить из того, что есть. Оптимисты живут весело, но недолго, а Сайгон намерен ещё понынчить внуков и впасть в старческий маразм.

На ферме царил полумрак. Экономя ресурс ламп, центральное освещение здесь врубали на четыре часа в сутки. Карбидки вполне достаточно, чтобы ухаживать за животными. А нигерийцы явно привыкли обходиться без фонарей. Научились видеть в темноте? Ну-ну. Захочешь выжить во мраке туннелей, и не так извернёшься...

В клетках тревожно замерли хомяки, кролики вставали на задние лапы. Будто почуяли, что скоро начнётся заваруха. Бродяги вот-вот пустятся в пляс над поверженным врагом. Огун оголодал, ему нужна кровь.

Пока нигерийцы беседовали, Сайгон медленно протянул руку к третьей клетке справа. Пушистый белый кролик отпрянул, едва не перевернув миску с водой. Под клеткой кое-что лежало.

Ме-е-едленно.

Медленно, пацук тебя закусай!

Чтобы каннибалы не заметили...

Ну же, ну-у!..

Наконец пальцы ощутили холод металла, скользнули вдоль лезвия и вцепились в рукоятку. И будто сработала пружина – Сайгон рывком подтянул к себе нож, который хранил здесь на всякий случай. Тело отозвалось болью. Таки здорово ему намяли бока, пару рёбер небось сломали. Ну ничего, Сайгон вернёт должок с процентами!

Удивительно, но его воскрешение осталось незамеченным. Что ж, тем хуже для бродяг.

Захрипев, он размахнулся и метнул нож в нигерийца, что был на голову выше сородичей. Этот показался Сайгону самым опасным. Авось удастся сократить число чужаков. А если нет, охрана наверняка услышит крик боли.

– У-у-у! – завыл нигериец, вытаскивая из плеча окровавленное лезвие.

Вообще-то Сайгон метил в горло и очень огорчился промаху.

Раненый бродяга развёл руки в стороны – в одной мачете, в другой обрывок цепи. Он осклабился и зауhal. С зубами у него было похуже, чем у того подонка, что обещался поужинать Сайгоном. От брови до подбородка лицо рассекал рваный шрам, одного глаза не хватало. Красавчик!

Сайгон медленно, будто опасаясь привлечь внимание, поднялся.

Каннибалы замерли, вот-вот набросятся на жертву, которая вдруг вернулась из страны предков. Пару лет назад Сайгон участвовал в облаве на собак, что в великом множестве расплодились в туннеле между Святошиным и Житомирской. Так вот псы, пристрастившись к человечине, вели себя точь-в-точь как нигерийцы: замереть перед прыжком – это был их любимый приём. Собак тогда извели усилиями двух станций. С бродягами будет точно так же. Раненый кинулся на фермера. Цепь свистнула над головой – Сайгон едва успел пригнуться. И тут же у виска сверкнуло лезвие мачете. И опять цепь – на этот раз нигериец метил по ногам. Сайгон подпрыгнул, звенья высекли фонтанчик искр из каменного пола. Задолго до войны маленький Серёжа побывал с отцом в цирке. Особенно ему понравились

акробаты. А сейчас Сайгону только трико не хватает, чтоб быть похожим на циркача. Но долго так скакать не получится – нигериец обязательно достанет его. Сайгон быстро оглянулся в поисках выхода и едва не пропустил удар. С трёх сторон стены из клеток, с четвёртой решётчатая дверь и почитатели Огуна. Надо было закрыть дверь за собой, когда пришёл на ферму, почему не закрыл? Вряд ли каннибалы разрешат ему пройти мимо или вскарабкаться наверх.

Высокий нигериец заметил его растерянность и расхохотался. Он не спешил убивать противника. Это пляска в честь бога войны, понял Сайгон. Сородичи радостно ухали, подбадривая одноглазого великана. Святошинец вообще-то и сам не карлик: метр восемьдесят пять, плечи широкие. Но нигериец выглядел куда внушительнее. Голод и потеря крови, конечно, сказывались, но всё равно бродяга двигался стремительней разъярённого пацюка. Бедро словно обожгло кипятком – цепь ударила чуть выше колена. Сайгон вскрикнул. И тут же обнял нигерийца, будто родного, – за миг до того, как самодельное мачете едва не раскроило ему череп. Он с ходу ткнулся лбом в приплюснутый нос каннибала. Брызнула кровь. Одноглазый отпрянул, мотая головой, но Сайгон не собирался его отпускать – с хрустом вогнал кулак в кадык. Нигериец застыл на месте, из рук его выпало оружие, и сам он, хрипя и булькая, осел на пол.

Минус один. Сайгон подхватил мачете и сместился к стене из клеток, так, чтобы враги не зашли со спины. Его била нервная дрожь. Никогда ему не нравилось убивать людей, пусть даже последних ублюдков.

И вот тут каннибалы как-то подрастерялись. Тот бродяга, что грозился съесть Сайгона, очнулся первым. Он залопотал что-то на своём языке, размахивая руками. Мол, братва, рассредоточимся и завалим гада, месть – это святое, а потом покинем эту станцию, пока святошинцы нас не угробили. Его волосы были выбриты на висках, на верхней губе топорщилась щетина. По груди, конечностям и впалому животу змеились безобразные шрамы. Непонятно, как человек, получивший такие раны, вообще сумел выжить, не говоря уже о том, чтобы самостоятельно передвигаться.

– Только сунься ко мне, – предупредил Сайгон, – и я пересчитаю твои красивые зубы!

Внизу, на платформе, слышались крики. Сайгон различил голоса Болта и Кашки, которым нынче выпало дежурство. Помощь уже в пути. Продержаться бы... Сколько? Полминуты?

Больше? Как быстро парни пройдут через хороводы, обогнут отделанные мрамором колонны и преодолеют два пролёта лестницы, в каждом по двенадцать ступенек?

Зубастый нигериец – новый вожак – отдал приказ своим людям. Те тут же растворились во тьме, отсекающей ферму от станции.

На границе света вожак обернулся.

– С Новым годом! – осклабился он и, широко размахнувшись, швырнул мачете туда, откуда Сайгон ждал помощи.

Истошно закричал Кашка. Грохнули выстрелы. Сайгон вмиг распластался на полу. Болт – а стрелял, конечно, он – никогда не был снайпером. Скорее наоборот – о его поразительной «меткости» рассказывали анекдоты. Выстрелы стихли. Болт громко выругался насчёт заговоренных ловкачей, которых пули не берут.

Сайгон вскочил. Освещая карбидкой путь, он протиснулся мимо турникетов. Кашка баюкал рассечённое плечо, из которого хлестало алым, над ним суетился Болт, не столько помогая, сколько мешая товарищу перевязать рану.

– Где они? – На Сайгона как-то разом навалилась усталость – сказывалось дикое напряжение последних минут.

– В туннель ушли. – Болт отступил от Кашки. Тот высказал ему всё, что думает о первой помощи безруких идиотов. – Пусть уходят. Опасно соваться. Да и праздник.

Сайгон кивнул.

– У меня жмур на ферме. Убрать бы... Скажешь, что ты отличился, я свидетель.

– Организуем! – Болт знал, что его накажут. Кашка-то пострадал в бою, и потому с Болта спросят за двоих, мол, проморгал чужаков, виноват. Так что поначалу он обрадовался – будет чем оправдаться. А потом скривился: – Ну и гад же ты! Неохота ручки марать, вот и кинул подачку?

Иного Сайгон от него и не ожидал. Усмехнувшись, потопал вниз:

– Не за что. Карбидка вот тебе, потом вернёшь. А то, небось, и фонаря не захватил, охранничек.

Навстречу ему, прыгая через три ступеньки, нёсся сын Андрюшка, светлокудрый в мать и голубоглазый в отца. Запыхался, покраснелся.

– Ты чего это? – Сайгон подхватил сына и прижал к груди.

Быстро-быстро стучало маленькое сердечко.

– Так ведь напали... спасать... – едва продохнул Андрюшка.

– А нож хоть есть? – мягко спросил Сайгон, чтобы не смутить мальчишку, которому едва исполнилось восемь.

Сын часто заморгал, сообразив, что поступил глупо:

– Нету...

– Проказничаешь? – Светка подкралась незаметно, пока Сайгон сюсюкался с сыном. – А говорил, работать будешь.

Ну как же в драке без неё? Явилась на выручку, прихватив дробовик – у Митьки Компаса отняла, не иначе. И топор в чехле на поясе.

Сайгон поморщился: топор годится, а вот дробовик... Его могло заклинить в самый ответственный момент или ещё что. Да и вообще Сайгон недолго любил огнестрельное оружие: грохоту много, пули рикошетят от стен, летят куда хотят...

Он деланно нахмурил брови, глядя на жену:

– Чего пришла? Праздник закончился?

Светка пожалала печами. Налитые груди её при этом колыхнулись так, что у фермера защемило внутри – будто в первый раз красоту такую увидел.

Светка откинула за плечо непослушную прядь волос.

– Так ведь пацан батьку кинулся выручать, а я за ним. Думаешь, из-за тебя примчалась? Больно надо!

Внизу уже собралась толпа. Люди с тревогой смотрели на Сайгона. Пальцы сжимали обрезки кабелей, чернели стволы пистолетов. Молотки и ножи, самодельные луки... Сайгон насчитал всего два автомата. Мягко говоря, вид у святошинцев был не боевой. Бродяги забредают сюда редко, от зверья, обитающего в туннелях, отбиться всегда получалось, так что...

Грех жаловаться, верно. Еды хватает: крольчатина, грибы, слизи, картофель, даже подобие чая из плесени – и то есть! Быт за много лет кое-как наладили. Потому-то население станции с каждым годом увеличивается, уже сейчас места не хватает, а что будет дальше?..

Долго у них со Светкой не получалось завести ребёнка. Уж они старались и днём, и ночью – все никак, пшик. Отчаявшись, Сайгон отправился на станцию Академгородок к бабке-знахарке на поклон. Её заслуга или совпало так, но Андрюшка, отцово счастье, здоровенький родился.

Толпа раздвинулась. Показалась сгорбленная фигура в «аладине». Это Митька Компас. Как-то по молодости он с командой мародёров разок поднялся на поверхность. С тех пор Митька потерял половину зубов, все волосы, едва ходит, но мнит о себе невесть что: мол, круче меня на станции нет никого.

Компас шагнул вперёд и прошамкал:

– Так чего там? Что вообще, а?

Сайгон хотел было рассказать, что он думает об охране станции, но, к своему удивлению, выдал следующее:

– Десяток кролей. Угощаю. Праздник всё-таки!

У Митьки Компаса челюсть так и отпала. Никогда ещё Сайгон не делал подарков. Видать, на ферме произошло что-то невообразимое, раз этот скряга расщедрился.

Толпа резко подалась назад, когда Сайгон спустился на платформу с Андрюшкой на руках. Светка грациозно скользила рядом. В любой момент она готова выхватить топор. Годы мирной жизни так и не вытравили из неё ужас первых дней в подземке. Стройная фигура, округлые бёдра... Столько лет вместе, считай с самой эвакуации, а Сайгон всё не налюбуется супругой.

И вдруг перед глазами промелькнуло: корейский джип, пробки на дорогах, перекошенные от страха лица...

* * *

Корейский джип, собранный в Кременчуге, несся по тротуару.

Елена Владимировна, учительница по русскому и литературе, ругаясь, жала на клаксон. Присутствие учеников её не смущало. Ошалевший народ шарахался из-под колёс.

Серёжа то и дело закрывал глаза, опасаясь, что руссичка собьёт нерасторопную бабушку или мамашу с коляской. Он прижимал к груди клетку с кроликом Степашкой. Рядом, на одном с Серёжей кресле, сидела Светка, самая красивая девчонка школы. Ей доверили эвакуировать толстого, вечно сонного хомяка Кузьму. Остальные ребята из юннатского кружка располагались сзади. Спасению подлежали также рыбки в аквариуме, ужи, которых наспех запихнули в трёхлитровую банку, и попугайчики.

Джип резко вильнул, снес урну: обёртки, окурки, пивные банки. Кусок бампера покатился по асфальту. Елена Владимировна, которая после уроков вела кружок, крепче вцепилась в руль и прикусила пухлую напoмаженную губу. Тротуар всё-таки! Ну а где ехать, если дороги перекрыты военными?! Пусть гаишники выпишут ей штраф и даже отберут права! Но это потом, а сейчас...

На подъезде к станции метро Святошин тарачились на «пробку» стволы пушек. Серёга насчитал десяток танков, обвешанных динамической защитой. На броне крайнего справа Т-8 стоял седой мужчина в камуфляже и уверенным голосом вещал в мегафон, что гражданское население должно сохранять спокойствие, отставить панику, что это всего лишь учебная тревога. По лицу мужчины ручьями стекал пот, а руки дрожали так сильно, что было ясно – врёт он все, тревога вовсе не учебная.

А ведь утро так хорошо началось! Вкусный завтрак на столе. Отец прислал письмо, мать обещала отдать конверт после уроков: «Покажешь хоть одну пятёрку в дневнике – и письмо твоё!». На первом же занятии он прочёл с выражением «Заповіт»¹, его даже похвалили. А потом вдруг завывли сирены гражданской обороны...

Елена Владимировна, по которой сохла вся мужская часть школьного коллектива, резко ударила по тормозам. Визг покрышек. Джип протасило по асфальту и ткнуло в борт БМП, выскочившей откуда-то справа. Мгновенно надулись подушки безопасности, прижав учительницу и Серёгу со Светкой к креслам. Это было неприятно.

– Выходите из машины! Живо!!! – крикнула Елена Владимировна. – Бегите в метро!!!

¹ Стихотворение Т. Шевченко. (Здесь и далее прим. авт.)

Водительскую дверь заклинило, зато сзади слышались хлопки замков. Больше Серёже не суждено было увидеть юннатских рыбок, попугайчиков и ужей, а вместе с ними Макса из параллельного класса, Маринку Иваненко и белобрысого Ярика...

Маринка всю дорогу пыталась связаться с родителями. Так и не сумела: «Нет доступа. Сеть перегружена. Попробуйте отправить абоненту эсэмэс или позвоните чуть позже».

– Не стойте! К метро! Живо!!!

Автоматная очередь заглушила рёв клаксонов. Вспыхнула маршрутка – жёлтый, как лимон, «богданчик» дымил чёрным, кричали люди, сыпались осколки стекла... Светка запуталась в ремне безопасности. Серёжа случайно прижался носом к её плечу и почувствовал вкусный запах. Клубничный вроде.

– Помочь? – пророкотало рядом.

Дверь распахнулась. Сильные руки вытащили наружу Светку, затем Серёжу. Елена Владимировна проворно выбралась следом. Из кормы БМП выпрыгивали вооружённые люди и тут же рассредоточивались – приказ: отсечь взбунтовавшихся людей от метро. Толпа как раз прорвала цепь милиционеров с дубинками и щитами.

Загрохотали автоматы. Светка вскрикнула. По лицу Елены Владимировны побежали чёрные от туши слёзы. Здоровенный детина в десантном комбезе схватил её за руку и потащил за собой. Она не вырывалась, лишь жалобно причитала, чтобы детей взяли вниз, они должны выжить. Десантник вдруг остановился, наморщил лоб и, улыбнувшись Светке, кивнул. Серёже почему-то сразу не понравилась эта улыбка.

А потом они долго бежали. Вокруг метались люди. Старушки со связками пожитков сидели на ступеньках и устало глядели в пустоту. Коптила небо ЖД станция. Мерцал свет в запутанном подземном переходе... Солдатики, ненамного старше Серёжи, не хотят пускать их в метро, мол, приказ, не положено. Треск укороченного автомата, пятнистые фигурки падают...

И вот платформа.

Людей – не протолкнуться. Елена Владимировна потерялась. Хохоча, десантник облапил Светку и куда-то потащил. Он таранил толпу, как атомный ледокол торосы в Заполярье. Серёжа кинулся следом, лупя его по спине кулаками. Вояка лягнул назад, попал в мягкий живот...

Валяясь на платформе, Серёжа видел, как на десантника накинута Елена Владимировна, пшикнула ему в глаза газом из баллончика. Матерясь, вояка отпустил Светку и потянулся за АКСУ. Он успел выпустить вслепую длинную очередь – зацепил пятерых, а потом его пристрелил мужчина в форме с майорскими звёздами на погонах.

Схватившись за живот, Серёжа думал о том, что случилось. Зачем руссичка помогает ему и Светке? Одинокой красивой бабе проще спастись. Но она потащила с собой чужих детей, а потом не дала в обиду Светку. И рисковала при этом жизнью... Зачем?!

Майор, застреливший десантника, вдруг навёл пистолет на Серёжу и целую вечность щурился, целясь. Но так и не нажал на спуск. Передумал.

А Серёже вдруг захотелось, чтобы отец, сильный и смелый, оказался рядом и защитил его от испуганных до озверения людей, набившихся в подземку. Отец не дал бы его в обиду.

Правда, Серёжа плохо его помнил, ведь отец ушёл из семьи, когда сыну было лет пять, может шесть, и после этого мать сожгла все фотографии мужа. Но отец точно был высоким и улыбчивым. Он играл на губной гармошке блюзы, которые вышибали слезу и заставляли пускаться в пляс. Где ты, папа?

Мама, а ты?..

Платформа вздрогнула. Свет погас.

В гробовой тишине кто-то сипло сказал:

– Вот и всё. Война. Ядерная.

У тринадцатилетнего пацана по имени Серёжа Ким защемило сердце. Он понял, что мать осталась наверху и он никогда её больше не увидит, потому что мирный атом перестал быть мирным и город разрушен...

Тогда Сергей ещё не знал, что минует двадцать с лишним лет, прежде чем он вновь увидит небо.

* * *

Глаза слепил солнечный свет. Он с трудом прорывался сквозь тяжесть облаков. Сайгон зажмурился. Резко подул ветер, толкнув в спину, будто указывая, куда надо идти. Причём срочно.

На мгновение Сайгон поверил ветру и шагнул к туннелю, но... Какой ещё ветер на станции?! Откуда здесь солнечный свет?! Он мотнул головой, прогоняя наваждение.

В последнее время с ним такое часто случалось. Вдруг, ни с того ни с сего вместо потолка – звёзды и луна. Или солнце на фоне голубой бесконечности. А ещё почти каждую ночь Сайгону снился отец...

Не к добру это.

– Ты куда намылился? – окликнула его Светка.

Он пробурчал что-то в ответ и смиренно поплёлся за ней.

В самом центре платформы возвышалась ёлка, добытая Митькой Компасом в единственном его рейде на поверхность. Пока остальные мародёры выполняли заказы подземных жителей, Митька, ещё зубастый и перспективный, шмонал подсобку супермаркета, где и обнаружил пластиковое деревце в полиэтиленовой упаковке. В черепе Компаса случилось короткое замыкание, детство в том самом месте заиграло, и он потащил безделушку вниз, забыв о надувном матрасе для Сайгона.

Помнится, Майор (тот мужчина, что едва не пристрелил Серёжу в первый день войны) конкретно вздул новичка за срыв заготовок и навсегда запретил брать «этого сопляка» наверх. Самое удивительное, что руководство Святошина Митьку Компаса за ёлку премировало. Мол, спасибо, дорогой товарищ. А когда здоровье у неудавшегося мародёра испортилось из-за облучения (так утверждал Митька), ему назначили пожизненный спецпаёк.

За годы пластик не выцвел, ёлка была, что называется, вечнозелёной. Майор подарил потом станции целый коробок игрушек и ватного Деда Мороза. Ни у кого в метро не было ёлки, никто не отмечал Новый год, а на Святошине этот праздник почитали самым главным. Уловив выгоду (спецпаёк! пожизненный!), многие мародёры пытались втюхать святошинскому руководству первомайские кумачи, поздравления ко Дню Победы и Восьмому марта, но – увы.

– Вот мы и дома! – радостно сообщила Светка у порога гипсокартонной хатки в две комнатухи. Круче на Святошине апартаменты только у начальства, у Матвея Алексеевича.

Сайгон поморщился и отвернулся.

У жены это отлично получалось – радоваться самым обыденным вещам. Купила у караванщиков глобус для Андрюшки, чтобы знал, какая у нас планета круглая, – и довольна. Палец обожгла, колдуя над электропечью, – смеётся, говорит, до свадьбы – золотой! – точно заживёт. Обычно Сайгону нравилась эта черта характера супруги. Но не сегодня. Сегодня его всё раздражало. И не давал покоя странный ветер, толкнувший в спину.

Неужели он, Сергей Ким по прозвищу Сайгон, сходит с ума?..

Он опустил сына на платформу.

– Ужин готов? – спросил у Светки, которая с подозрением на него уставилась.

Почувствовала что-то. Жену не обманешь, она его насквозь видит почище рентгеновского аппарата.

– Только по мискам разложить осталось. И налить.

– Вот и займись. А я живо. – Сайгон двинул обратно к лестнице.

– Зачем? Ты чего? – прищурилась Светка.

– Гляну. Надо мне. – Сайгон и сам не знал, почему его дёрнуло куда-то идти, ведь каннибалы сбежали, а после драки ножи метать толку нет. И всё-таки...

Ветер, да?

Псих ты, Серёженька, натуральный.

Ну и пусть! Шевели поршнями, братишка! На табло краснеют цифры – 23:55. Почти Новый год. Быстро глянь что-куда и дуй на хату, в лоно семьи. Светка обещала жаркое из картошки, грибов и крольчатины. А уж она готовит – пальчики оближешь...

С каждым шагом туннель приближался. Сайгона манила чёрная бездна, населённая призраками тех, кто умер в метро. Так говорят старики. Сайгон в эту муть не верил, но иногда...

Он зажмурился и, ущипнув себя за бедро, выругался. Прямо наваждение какое-то. Некстати вспомнилась песенка из советского ещё мультя: «Говорят, под Новый год, что ни пожелается, всё всегда произойдёт, всё всегда сбывается!»².

– Ты чего здесь?

Сайгон от неожиданности вздрогнул.

Митька Компас, пошатываясь, протянул ему армейскую флягу в брезентовом чехле:

– Давай бахнем! Праздник же!

За колонной Митька прятался, что ли?..

Компас так и не обзавёлся семьёй. Радиация и мужское достоинство плохо сочетались. Зато у Сайгона и жена, и сын... Ну скажите, что он тут забыл, когда любимые люди ждут его, беспокоятся?!

– Потом, Митя, потом. – Он развернулся и побежал домой, лавируя между кроватями, палатками и просто сидящими на платформе людьми.

Так уж повелось, что самый популярный заказ мародёру – кровать. Людям надо на чём-то спать. Мало кто думал об этом при эвакуации. И потому отважные мародёры частенько поднимаются на поверхность, чтобы принести из ближайшего не разграбленного дома панцирные сетки и прочее, на что можно лечь.

Рядом взорвалась хлопушка, обсыпав Сайгона конфетти. Споткнувшись о чью-то ногу, он едва не вспахал носом пол. И всё-таки он успел.

– Наливай, мать! – Ввалился в спальню, где на кроватях сидели Андрюшка и Светка, а в проходе выстроились в ряд аж три табурета – это и есть праздничный стол: кастрюлька, миски, вилки, два стакана. Пластиковая бутылка с самогоном лежала на кровати рядом со Светкой.

– Уже. – Светка подмигнула мужу.

Чокнулись. Снаружи, на платформе, грохнуло многоголосое «Уррра-а-а-а!!!»

– Вот и наступил новый две тысячи тридцать третий год. А мы ещё живы. Вопреки всему. – Супруга мгновенно опьянела.

И не просто живы, но и хорошо живём, подумал Сайгон.

– Ну, сыночек, ты загадал желание? – Светка взъерошила Андрюшке волосы.

Тот отодвинулся. Растёт пацан, родительские нежности ему уже не нравятся. А ведь ещё совсем недавно...

– Загадал. Только не скажу. Чтоб сбылось, никому говорить нельзя. Даже вам.

– И правильно! – Светка налила в стаканы. – А ты, муженёк, загадал?

«Говорят, под Новый год, что ни пожелается...»

² С. Михалков, «Под Новый год»

– Ага. – Сайгон залпом опрокинул в себя хмельное.
И действительно загадал.
Одно заветное желание.

* * *

Когда бутылка опустела, он выбрел «подышать свежим воздухом». Слово за слово с соседями, потом Митька Компас подкатил, потом Кашка с перевязанным плечом, потом...

В общем, Сайгон сам не понял, как оказался возле туннеля. Цифры на часах расплывались красным мерцающим пятном. Он стоял на краю платформы и пялился во мрак. Сколько он тут проторчал, неизвестно.

От выпитого слегка подташнивало. Надо хлебнуть воды и лечь спать. Завтра у половины станции будет похмелье и выходной день, но не у Сайгона. Его зверью чужие проблемы до горелой лампочки – оно жрать всегда хочет, без учёта праздников.

От соседней палатки тянуло сладковатым дымом конопли. Вообще-то наркотики на Святошине запрещены, но в честь праздника руководство смотрит на шалости сквозь пальцы.

И как это дурь попадает на станцию, ведь кордоны, досмотр грузов и вообще строго? Урки с Вокзальной своё дело знают, ничего не скажешь. Вся наркота в метро от них: день и ночь стараются подопечные Лёнчика Космоса, байками о котором пугают детей. Причём пугают те, кто к Вокзальной ближе, чем за три станции не подходили никогда.

Разгорячённого выпивкой лица коснулся прохладный воздух. Ветер? Опять?! Хмель как рукой сняло, аж дыхание перехватило.

Да ну, ерунда, обычный сквозняк!

Сайгон уставился на свою руку, точнее – на диодный фонарь, который сжимал. И когда только из кармана вытащил? Фонарь он всегда с собой таскал. Даже ночью под подушку прятал. Но зачем ему фонарь сейчас? В честь праздника свет будет гореть всю ночь.

И вдруг Сайгон понял, что он давно уже не на платформе. Он в туннеле. А вокруг темно, как в тылу у каннибала, которого он сегодня отправил к праотцам.

Как такое могло случиться, как?! Что происходит, а?!

Сайгон застыл на месте. В темноте что-то было. Не шевелиться! Не дышать!

Или рвануть назад, пока не поздно?

Что-то притаилось рядом, Сайгон это точно знал. Но что? Пацук? Или ещё какое порождение радиации и мглы туннелей? Сайгон прислушался и понял: ничто живое ему не угрожало. Живое – нет. Так значит, мёртвое?!..

Шумно выдохнув, он нажал на кнопку фонаря. Жёлтый луч заметался, освещая рельсы, шпалы, свод... Ничего такого, всё как обычно.

А потом что-то блеснуло под ногами.

Сайгон отпрянул, вдоль позвоночника будто плеснули воды из скважины. Он обернулся и шумно, с облегчением задышал. До выхода из туннеля всего метров тридцать. В висках громко стучало. Он поднял предмет, так его напугавший.

Это была губная гармошка Hohner с гравировкой на нержавеющей боку – автографом Боба Дилана.

Сердце Сайгона едва не взорвалось.

Он узнал инструмент.

Глава 2

Большой белый человек

– Ты куда на ночь глядя? – удивилась Светка.

– Боб Дилан, мать. Слыхала о таком? – Сайгон положил в рюкзак мешочек с жетонами.

– Профессор с Университета? – зевнула Светка.

– Типа того, мать. Типа того... – ПМ, много лет назад подаренный Майором, Сайгон сунул за пояс под латаную армейскую куртку. Только один магазин к нему, только один, зато в магазине патроны с трассирующими пулями, чтобы, стреляя в темноте, корректировать огонь. В нагрудные карманы отлично поместились шестерни с заточенными зубцами. Так, теперь нож. Сапожный, такой острый, что с тубингов можно пласты срезать и, как масло, намазывать... на что? Не на хлеб точно. Нет на Святошине хлеба, и масла нет. Просто выражение всплыло в памяти. Сын Андрюшка уже не поймёт, в чём соль шуток, он из другого поколения, настоящий крот.

Рюкзак за спину. Сняв со стены колчан с луком и стрелами, Сайгон наклонился к жене, чмокнул в губы:

– Спи, родная. Я быстро.

– Далеко?

– Близко. Туда и обратно.

– На охоту? Обидели тебя крепко, да?

– Ага, мать, спи.

– Если до утра не вернёшься, я тебя из-под земли достану. – Супруга шутит. Значит, всё в порядке.

– Тсс! Андрюшку разбудишь. – Он затворил за собой скрипучую дверь – смазать бы – и вновь окунулся в атмосферу натужного веселья.

Праздник продолжался. Вокруг ёлки плясали, задирая юбки и приседая в жалком подобии гопака. Разноцветно перемигивались гирлянды, бросая блики на стеклянные бока шаров. У ватной фигурки Деда Мороза стоял стакан, полный сивушной мути. Жалкое зрелище.

А вчера было радостное?

А позавчера?..

Что тебе родная станция, а, Серёженька? Что для тебя Святошин? Нравится белая кафельная плитка с орнаментом в центре путевых стен? Разграбленные банкоматы вызывают в тебе хоть какие-то чувства? А остатки системы освещения над коротко стриженной головой? Или тебя вдохновляют ряды кроватей, застланных одеялами из кроличьих шкур?

Молчишь, фермер? И то верно: молчи...

– Таки решился? – Митька Компас дёрнул Сайгона за рукав. – Помощь нужна? Сам-то я не ходок, а вот ребят могу кликнуть. Болт пойдёт и ещё кто...

Сайгон мотнул головой – мол, сам справлюсь, не мешай пацанам гулять.

– Ну, как знаешь...

«Точно. Как знаю».

Тогда, в самом начале, все были уверены, что еды надолго не хватит. Убивали за сухарь, за банку кильки в томатной бурде. Особо свирепствовали вояки, у них крыши начисто снесло, сломалось что-то важное в людях. Небось испытывали чувство вины перед гражданскими: не смогли защитить, присяга, все дела. Война – это ведь их работа. Но реакцией на вину было отнюдь не покаяние. Стреляли во всё, что движется, – пока не сообразили, что патронов больше не становится, а в оружейке запасы не пополнишь. Все оружейки остались

наверху. Из кусков силового кабеля отличные дубинки получались. Поручни из вагонов тоже сгодились. Металл затачивали о мрамор. Кровь лилась рекой.

Все словно сошли с ума. Серёга тоже.

И сейчас у него такое ощущение, будто те времена вернулись. Или вернутся скоро.

Обходя очередную компанию навеселе, он сунул руку в карман, нащупал полированный бок губной гармошки. Жаль, Сайгон и близко не музыкант. Было ещё такое выражение, про медведя, кажется... Нет, не вспомнить, ну да ладно, не суть.

– На пацюка собрался, дядь Серёж? – по-мальчишечьи звонко спросили сзади.

– На пацюка. – Не оглядываясь, Сайгон шагнул в темноту туннеля и словно вернулся на полчаса назад.

...Сердце едва не взорвалось.

Гармошка!

Боб Дилан!

Точь-в-точь на таком инструменте играл отец Сайгона. Вот только ещё была царапина, похожая на букву «А»... Он присмотрелся – ровно, гладко. Повернул гармошку на другой бок – и обмер.

«А».

Кое-как уняв дрожь, внимательно изучил пол туннеля поблизости и обнаружил мачете в паре метров от места находки. Знак Огуна на металле. И пятна крови рядом – видать, Болт зацепил кого-то из пришлых. Надо же, он попал в цель, не зря Сайгон прикрыл нерадивого охранника.

Итак, сомнений нет: в руках у Сайгона губная гармошка отца, и потерял её нигериец, один из четверых, которым удалось уйти со Святошина.

Дальше Сайгон действовал не раздумывая. Вернулся домой, взял оружие, побросал в рюкзак вещички, жетоны, воду и снесь. План был простой: найти каннибалов и душевно с ними потолковать – выяснить, откуда у них инструмент. Это не должно было отнять много времени, но Сайгон всегда брал в поход столько снаряги, будто собирался протопать через Святошинско-Броварскую линию дважды. Мало ли что может случиться? Бережёного даже пацюки стороной обходят...

Теперь, полчаса спустя, Сайгон за рукоятку из магниевого сплава держал перед собой лук. На дакроновой тетиве лежала истоновская стрела³. Плечи лука – клён, стеклопластик и углеволокно. Кликер Сайгон снял, чтобы не щёлкал, – лишние звуки в подземелье ни к чему. Прямо не оружие, а скорбная песнь по почившему хай-теку. Пусть только враг себя обнаружит, а уж Сайгон не промажет, будьте уверены.

Дорогу он подсвечивал фонарём. Батарейки нынче безумно дорогие, но на собственной безопасности не экономят. Будь это обычный рейд, Сайгон, как все, использовал бы плоско-копилку на кроличьем жиру или машинном масле. Но не сейчас. Сейчас в рюкзаке два запасных комплекта батарей. За них и убить могут, ведь стоят они целое состояние.

Лук, пистолет, шестерни и нож... А вдруг нигерийцы сдадутся без боя? Сайгон хмыкнул, оценив собственную шутку. Погони не было, враги затаились где-то рядом. Тем лучше: не придётся бегать за каннибалами по всему метро.

Внезапно мрак впереди сгустился. Послышался хриплый вздох. Сайгон резко остановился и выключил фонарь. Это была ошибка. Катастрофическая ошибка, которая едва не стоила ему жизни.

Цепь со звоном хлестнула по рёбрам, вышибив из лёгких воздух. В прошлый раз кости вроде бы уцелели – теперь нигерийцы решили доделать начатое.

³ Американская фирма «Истон» – основной мировой производитель стрел.

Падая, Сайгон уронил фонарь. Если он разбился, то... Запчастей к нему нет, и в ближайшем ларьке новый не купишь. Уже лет двадцать на Земле не делают диодных фонарей. Да и любых других не производят!

Завибрировала тетива, стрела умчалась во мрак. Мимо. Сайгон не услышал характерного звука, с каким наконечник впивается в плоть. На что он рассчитывал, когда в одиночку отправился в туннель? Нигерийцы в темноте отлично видят, а Сайгон слеп, как крот.

Так ведь он крот и есть! Отлично приспособился к подземке и не мечтает о прогулках под солнцем. Так отдайся же инстинктам, крот! Ну же! Ну!

Отдался – перекатился вправо, больно ударившись локтём о рельс, – за долю секунды до того, как цепь со звоном стеганула там, где только что был Сайгон.

Нигериец его видит, а крот должен чують врага. Должен!

Легко сказать.

Боль обожгла – Сайгон только начал подниматься и опять рухнул, выронив лук и схватившись за ушибленное колено. К голени, чуть выше ботинка, были пристёгнуты ножны. Да толку от них...

А вот есть толк!

Пластмассово громыхая, покатился фонарь. Сайгон мысленно застонал: если фонарь не разбился сразу, то чёртов нигериец его точно сломает. Опять хриплый вздох. С ножом в руке Сайгон кинулся на звук.

На что он надеялся, а? На то, что головой протаранит бродягу и, уткнувшись носом в грудь, сполна ощутит аромат немытого тела? Или что нож с первого удара минует рёбра и пронзит сердце нигерийца, как жало комара – кожу младенца?

Каннибал булькнул и повалился под тяжестью Сайгона.

– Я – крот! Слышишь – крот!!! – Нож ещё раз впился в неподвижную плоть, и ещё. Сайгон не мог позволить бродяге, как злодею из довоенного боевика, очнуться и со спины атаковать главного героя, бодро марширующего к хеппи-энду.

Если кто не понял, главный герой – это Сайгон.

Казалось, он целую вечность ощупывал пол вокруг. Его разум поглотила паника. Он навсегда останется во мраке! Не сможет выбраться отсюда! Он погибнет здесь!

Лишь когда пальцы вцепились в фонарь, который оказался абсолютно цел, Сайгон вспомнил, что в рюкзаке есть площадка-коптелка, а в стальном герметичном термосе столько жира, что хватит дойти до Вокзальной и обратно.

– Стыдно, братишка, стыдно! – со злостью сплюнул Сайгон.

Он не прощал себе слабости. Никогда.

Небось бродяги отправили одного из своих, чтобы выяснил, как обстоят дела на станции. Упившиеся святошинцы не окажут сопротивления. На месте бродяг Сайгон затаился бы пока, дождался разведчика, а потом... Последний бой заставил фермера пересмотреть тактику. Победа возможна лишь в одном случае – если он двинет напролом. Громко шагая. Ярko подсвечивая дорогу. И – главное! – метко стреляя.

– Эй, йоруба, где вы, ау?! Я убил ещё одного вашего! Второй уже! Ау!!!

Это был вызов.

И мгла впереди ответила яростным воем.

* * *

Сайгон вывел бродяг из себя: никаких засад, они побежали на голос врага. Они жаждали разорвать его на части, наплевав на ритуальные пляски.

И всё бы хорошо, всё по плану, но Сайгон знал, что шум привлечёт не только каннибалов. Кого ещё? Да мало ли кто обитает в туннелях, где, ошестинившись оружием, ходят лишь караванщики?

Лёгкий ветерок коснулся щеки. Опять?! Фонарь в левую руку, правой выхватить из-за пояса пистолет. Крот не видит дальше собственного носа – границы света фонаря, зато остальные органы чувств у него развиты будь здоров.

Без малого шесть граммов покинули ствол. Бешеный светлячок с грохотом прошёл мглу, воздух наполнился пороховой гарью и криками. Попал, надо же. Вот что значит быть настоящим кротом!

Хлесткий звук удара, крики стихли. Добиваем своих, чтобы не мучились? Гуманисты хреновы!

На Сайгона вдруг выскочил чёрный, как мрак, каннибал. Он орал что-то, раскручивая над головой цепь. Спрашивается, зачем? Молчанье ведь золото, верно? Сайгон тут же сделал бродягу золотым, то есть молчаливым – пули в лицо для этого оказалось вполне достаточно.

В туннель ушли четыре каннибала, теперь минус два. Итого, сколько на балансе? Главное – не войти в раж, ведь надо разузнать о губной гармошке. Боб Дилан, ребята. Вы знаете, кто такой Боб Дилан? Маленькая подсказка: это точно не профессор с Университета.

– Я тебя съем, – шепнула Сайгону мгла.

Знакомая песня. Повторение – мать учения?

Пистолет дёрнулся в руке. По ушам хлопнул выстрел.

– СЪЕМ!!!

Мимо. Бывает. Ещё выстрел.

Тощее тело показалось на границе света. Жаль, это не парень с голливудской улыбкой. Замах, мачете отправился в полёт. Пункт назначения – голова Сайгона. И увернуться невозможно!

Палец дёрнул спуск. Пуля снесла нижнюю челюсть нигерийца.

Мачете словно застыл в воздухе. Сайгоном овладело предчувствие смерти. Глаза увлажнились. Прости, Светка. Прости, сынок.

Лезвие у самого лица. Трогает щёку, кусает ухо...

И опять всё закружилось в бешеной пляске. Сайгон без сил опустился на пол, ощутил лицо. Луч фонаря, зажатого между коленями, уткнулся в свод туннеля. На щеке мокро, липко. И мочки как не бывало.

Повезло. Легко отделался.

Но всё только начинается. Вставай, братишка, нечего расслаиваться!

– Эй, голодный! Ты где? Иди ко мне, разговор есть! Обещаю: убивать не буду.

Тишина в ответ. Не верит каннибал, затаился. А вот и напрасно. Сайгон действительно желает побеседовать – для начала, а там уж по обстоятельствам.

Ещё чуть-чуть – и победу засчитываем бойцу Святошина? А вот не надо раньше срока. Опасность-то Сайгон почуял, а отреагировать не успел – грохнулся мордой в рельс, в глазах вспухли соцветья фейерверков. Нигериец зашёл сзади и вмазал по затылку. Как только череп выдержал?

– Съем... – довольно проворчала мгла.

– Подавишься. – Сайгон перевернулся на спину, подогнул колени к груди и изо всех сил лягнул темноту.

И сам удивился, что попал.

Темнота хрустнула, всхлипнула и осела. Не теряя времени, святошинец пополз за фонарём, что валялся между шпалами, освещая тубинги путевых стен.

Бродяга валялся без сознания. Сайгон разбил ему нос и слегка подпортил прикус. Тонкой медной проволокой он связал нигерийцу запястья, затем лодыжки. В рюкзаке есть верёвка, но проволока надёжней. Теперь можно и отдышаться.

Но стоило фермеру расслабиться, как он сам едва не потерял сознание. Болело всё тело, голова кружилась. Сказывались удары и падения, да и на празднике выпито было немало. Чёрт бы побрал эти общественные мероприятия!

Сайгон вдруг насторожился: не понравилось ему дыхание нигерийца. Он посветил на лицо пленника. Так и есть, бродяга очнулся и пытался зубами перегрызть проволоку – изрезал себе дёсны и раскроил губы. Надо было за спиной руки связывать.

– Пытать будешь? – обречённо спросил нигериец.

Сайгон пожал плечами:

– От тебя зависит.

Нигериец шумно задышал.

– Да не дёргайся ты так. Просто скажи, где взял эту вещь. – Святошинец посветил на губную гармошку. Он с трудом унял дрожь в голосе. – И прекращай жрать проволоку, она невкусная.

Каннибал обиженно засопел. Тогда Сайгон поднялся и лениво ткнул пленника носком ботинка в рёбра.

Вообще-то с обувью надо бы аккуратней. Новую не найти и наверху, всё-таки двадцать лет минуло. Крысы и время сурово обошлись с модельными туфлями и кроссовками известных фирм. Ботинки Сайгона – предмет жгучей зависти всех обитателей Святошина, включая бессменного начальника Матвея Алексеевича.

Что ж, цель оправдывает средства. Удар был пустяковый, но язык у нигерийца развязался:

– Пару дней назад я украл это у большого белого человека на Берестейской. Мы не ворует, так решено, я прятал от своих. Но больно красивая штука, не удержался!

Сайгон крепко зажмурился. Так просто: прихватил безделушку, у большого белого человека позаимствовал...

Берестейская, значит? Сначала дойти до станции Нивки, где бабё обосновалось, а там и до Берестейской два шага. За трое суток можно обернуться, а то и быстрее.

Сайгона била дрожь. Повезло, что уцелел именно этот бродяга. Трёх Сайгон оставил на прокорм пацюкам, а единственного, который знал о судьбе губной гармошки, спеленал и допросил. Хозяин Туннелей отвёл руку, спас бродягу.

– Не убивай!

– Не убью. – Сайгон вытер со лба пот. – Я же обещал.

Зачем марать руки, если пацюки сами прекрасно справятся? Туннели ими кишат. Столько лет люди борются с пацюками (или пацюки с людьми?), а всё без толку.

– Эй, а развязать?! – окликнул Сайгона нигериец.

– А этого я не обещал. Прости, братишка.

В ответ нигериец выругался на своём языке. Небось послал куда подальше.

Сайгон поднял лук, поправил кожаную крагу на руке и медленно двинул вперёд. Надо подумать, как теперь и что. Он выяснил, откуда у каннибала губная гармошка. И?.. Вернуться на Святошин, не повидав отца, который, быть может, совсем рядом?! Столько лет Сайгон мечтал об этой встрече, и теперь, когда представился реальный шанс... Тут недалеко ведь. За пару дней он обернется... Светка, конечно, будет в бешенстве, но потом остынет. Если сейчас вернуться к ней – отпрашиваться, не отпустит точно. У баб своя логика, решит, небось, что он не за отцом отправился, а за кем другим... А так – нормально. Попереживает, надумает себе всякого, а потом он придет домой живым-здоровым, она на радостях и забудет. Андрюшка...

Это Сайгон, конечно, как сволочь сейчас поступает, что жену и сына бросает на два дня, что заставляет нервничать. Простите, родные. Очень надо.

Решено: добраться до Берестейской, найти отца. Найти отца!

Лёгкий ветерок скользнул по затылку. Сайгон понял: это знак, надо идти.

Но в одиночку туннели топтать равносильно самоубийству. И ладно у самой станции, где всё исхожено вдоль и поперёк, где знаешь каждую выбоину и обрыв кабеля на стене. А вот чем дальше во мрак, тем толще пацюки... И при этом: нигериец украл инструмент пару дней назад. Плюс время, которое займёт поход. Отец сто раз успеет затеряться в подземелье...

И речи быть не могло о том, чтобы вернуться на Святошин и подобрать себе надёжных компаньонов. Да и кого звать? Митьку Компаса, Болта и Кашку? Остальные ещё хуже – одноклассники и те, кто постарше, все болеют, едва не рассыпаются на ходу. Подземка – не лучшее место для привыкших к небу людей. Молодёжь? Эти вполне приспособлены, но бойцов среди них нет – дети выросли в мире и спокойствии.

Сайгон такой один: и боец, и крот сразу. Мало смириться с тем, что больше не увидишь радугу над Днепром, – крот должен радоваться этому. Кроту хорошо в подземелье, он здесь как рыба в чистой воде. Это его мир, у него всё есть. Вот только бы найти отца!..

Жуткий крик эхом ударил по своду, отразился от стен. Глотку надрывал нигериец, больше некому. Быстро действуют пацюки.

Сайгон остановился. Что он делает, а?! Это в стиле Майора и его банды, но никак не подобает зажиточному фермеру со станции Святошин!

Когда-то Сайгон хотел быть похожим на Майора: отрастить бороду, спать с автоматом в руках и подниматься наверх, даже если нет заказов. Майор не мог без неба над заражённым городом, где среди облаков парил лыбидь, самый страшный мутант Киева... Те времена давно в прошлом, Сайгон уже не мальчик. Давить на спуск АК и дышать сквозь фильтр противогАЗа – вовсе не его мечта. Спасибо, не надо.

Стигнув зубы, он побежал назад. Лучше вскрыть каннибалу горло, чем разрешить пацюкам сожрать его живьём. Как он мог так поступить? Что на него нашло?!.. Впереди тлеют красные десятки углей – это глаза мутантов. Средних размеров стая, могло быть и хуже.

Обычных крыс с каждым годом всё меньше. Пацюки отличаются от них размерами и кое-какими особенностями анатомии. Средний пацюк в холке достаёт Сайгону до бедра. Но попадаются экземпляры значительно крупнее, караванщики рассказывают байки о тварях размером с телёнка.

Лапы у пацюков непропорционально длинные – в сравнении с обычными крысами. За счёт этого мутанты способны быстро бегать и отлично прыгают. А ещё у них довольно большие черепа, примерно как людские. И зачем пацюкам столько мозгов?

Обычных крыс можно есть. Сайгон брезгует, но у многих святошинцев крысятину – чуть ли не основа рациона, ведь стоит она ерунду. А мясо пацюков – отравы. Но, говорят, учёные с Университета нашли способ, как сделать мутантов пригодными в пищу. Врут, наверное.

В стае пацюков существует чёткая иерархия. Сначала неторопливо насыщается вожак. Неторопливость – из-за системы пищеварения: удивительно маленький желудок или типа того. Потом обедает самка вожака. После неё – следующий по рангу самец, его самка и так далее. Только это и спасло нигерийцу жизнь. Если бы мутанты дружно навалились, от бродяги остались бы рожки да ножки.

Глаза-угольки – отличная цель.

Первую стрелу Сайгон вогнал вожаку промеж зрачков. Если не хочешь проблем, бей на поражение – в мозг. Раненый пацюк – ещё тот геморрой. А вот смерть вожака конкретно

облегчит стрелку жизнь: самцы, игнорируя внешнюю угрозу, тотчас затеют разборки между собой.

Так случилось и на этот раз.

Клыки и когти – лучшая программа предвыборной кампании. Тела, покрытые серой клочковатой шерстью, сплелись в рычащее кубло. В этой бойне погибнет парочка самцов, так что лучше не вмешиваться. А вот на самок стоит обратить внимание.

Их было шесть.

И они тут же атаковали Сайгона.

* * *

Толстая тварь с отвисшими сосками перепрыгнула каннибала.

Не добрав до Сайгона каких-то полтора метра, она пропала из освещённой зоны. Святошинец отпрянул, воткнув фонарь в крепление на рукоятке лука. Крепление он поставил вместо снятого стабилизатора. Это, конечно, повлияло на точность боя, зато маневрировать в узких проходах стало проще.

Спеша зайти человеку в тыл, ещё одна самка, хромая, двинула по широкой дуге. Она старалась держаться подальше от луча фонаря. Сайгон прострелил ей бок, чем только разъярил животное, – палец дрогнул на тетиве, когда острые клыки впились ему в икру. Это толстуха-попрыгунья таки отведала людской плоти.

Бить между глаз? Не проблема! Именно туда Сайгон вонзил толстухе нож. Как назло, лезвие застряло, а челюсти самки не разжались – она повисла на ноге, что называется, мёртвым грузом, гирей в два десятка килограммов.

Повизгивая, раненая хромоножка вертелась на месте, клыками дёргая из бока стрелу. К ней подбежала не просто серая, но седая самка. Сайгону показалось, что она явилась на помощь подруге, попавшей в беду. Свистнув, стрела насквозь пробила шею сердобольной старушке и впилась между рёбер раненой, тем самым соединив их вместе.

А что остальные твари?

Низкая поджарая самка подобралась так близко, что пришлось стрелять в упор. Между глаз, конечно!

Две оставшиеся самки отпрянули под защиту самцов, которые уже решили, кому водить стаю. Как и следовало ожидать, консенсуса мутанты достигли лишь с помощью трупа. Жаль, единственного.

Итак, против Сайгона два самца и три самки.

Свист стрелы – один самец, три самки.

Пацюки агрессивны, но трусливы. Почувяв, что им не совладать с противником, они тут же кидаются наутёк. Вскоре они опять наберутся смелости и атакуют вновь, но пара минут в запасе у Сайгона есть.

Дважды раненная хромоножка волочила за собой дохлую пришпиленную подругу. Сайгон добил хромоножку – вовсе не из милосердия, а потому что не хотел лишаться двух стрел. Где их потом доставать, истоновские?

С минуту он провозился, вытаскивая нож из черепа самки, повисшей на ноге. Потом разжал-таки её челюсть. На то, чтобы вырезать из трупов стрелы, тоже понадобилось время. Нигериец при этом умолял отпустить его, кричал, что ему больно, и грозил кровавой мстью.

Сайгон медово улыбнулся:

– Если я тебя отпущу, ты тут же убьёшь меня? Я верно понял?

Сообразив, что ляпнул лишнего, бродяга заткнулся. Теперь он лишь искоса поглядывал на фермера.

...Лучше вскрыть каннибалу горло, чем позволить пацюкам сожрать его живьём...

Вывод напрашивался однозначный.
С ножом в руке Сайгон шагнул к нигерийцу.

Глава 3

Отсутствие частоты ⁴

– Что ты вообще здесь делаешь, а? Как в метро очутился?

Сайгон в одно движение рассёк проволоку у бродяги на запястьях – нет времени её распутывать.

Во мраке туннеля зажигались и гасли угольки-глаза мутантов. Пацюки вот-вот очухаются. Похоже, к ним присоединилась ещё одна стая. Нельзя сказать, что Сайгон обрадовался этому.

– Учиться приехал. Сказали: «Украина – хорошо, нет скинхедов, люди добрые, борщ вкусный». – Вспоминая о местной кухне, нигериец мечтательно закатил глаза. Говорил он с едва заметным, будто бы прибалтийским акцентом.

– Было дело. – Святошинец освободил пленнику ноги. – Мама отлично готовила борщ. Даже отец, которому трудно было угодить, её стряпню нахваливал.

Давным-давно Сайгон заставил себя забыть о пище, недоступной под землёй. К примеру, о сале. Он сглотнул слюну. В метро попали кролики и хомяки – детишки не желали расставаться с домашними любимцами. Но почему ни один истовый хохол не додумался захватить с собой пару разнополых хрюшек?!

– Было, да... – эхом отозвался нигериец. – Были добрыми. И борщ был.

Сайгон представил, как это – оказаться за тысячи километров от родины, под толщей земли и бетона, среди чужих людей, которые ненавидят тебя уже только за цвет кожи.

– Тебя как зовут, братишка? – вдруг спросил он.

– Лектор. Урки так называли. В честь одного героя из кино. Знаешь такого?

Сайгон пожал плечами. Лектор так Лектор. Он не видел этого фильма.

– На Вокзальной десять лет меня держали. В клетке. – Нигериец поймал взгляд святошинца. – Я Лектор. Другого имени больше нет, я недостойн его.

– Сволочи, – буркнул Сайгон, только чтобы не молчать.

По системе Майора сделанное им (вернулся, спас и отпустил пленника) расценивалось как слабость. Чуть ли не бабское сюсюканье. Настоящий мародёр должен быть сильным, а сила подразумевает жестокость не только к себе.

– Сволочи! – резче повторил Сайгон.

Он ни разу не пожалел о том, что вернулся к Светке, бросив учёбу. Майор сильно горевал, оставшись без любимого послушника, и вскорости погиб. Ходили слухи, что его сожрал лыбидь. Сайгон даже порывался отправиться наверх, чтобы... что? Что он мог сделать в развалинах Киева? Поймать легендарного мутанта и воскресить Майора?

Именно тогда Сайгон заделался кротом. А быть кротом, поверьте, очень круто.

– Ты взял инструмент у большого белого человека. При встрече сможешь опознать его? – Сайгон задумчиво подбрасывал на ладони губную гармошку.

Каннибал кивнул так уверенно, что Сайгон понял: душа Майора может быть спокойна, слабостью тут и не пахнет: рывок к связанному нигерийцу – поступок, продиктованный трезвым расчётом, Сайгону нужен тот, кто укажет ему отца, да и проводник не помешает.

– Так вот, Лектор, покажешь мне большого белого человека – и я тебя отпущу. Лады? Будем в расчёте.

Нигериец покачал головой. Сайгон решил, что это знак согласия, и помог ему встать:

⁴ Отсутствие частоты – запрещающее движение и требующее остановки сигнальное показание «ОЧ» на указателе АЛС в кабине управления поездом.

– Тогда шевелись, парень. Второй стычки с пацюками нам не пережить.

Лектор крепко сжал ладонь фермера:

– Ты спас меня. Я отплачу.

И они побежали так, будто за ними гналась тысяча чертей, будто под босыми ногами у них – раскалённая сталь, а в спину им тычут сотни острых лезвий. Дыхание в груди Сайгона клокотало кипятком в чайнике. В метро обычным жителям нечасто доводится бегать. Это мародёры тренируются по особой методике, чтобы потом, в реальных условиях, максимально быстро передвигаться по разрушенной столице. А простым людям, тем, кто носа не кажет из-под земли, физкультура без надобности.

Воздух царапал лёгкие.

И вдруг туннель впереди окрасился яркой вспышкой. Но Сайгон и не подумал сбавить шаг. Его и Лектора преследовали мутанты, которых было больше, чем стрел в колчане. Потому-то в походы отправляются караваны в десять человек минимум – у такого количества народу есть шанс отбиться от пацюков и прочих тварей.

Станный свет резко приблизился. И неудивительно, ведь Сайгон мчал к нему со всех ног. Ещё шаг – и фермер ворвался в сияющее марево. И остолбенел.

Он оказался на платформе Святошина. Лектора нигде не было. Зато вдоль ограничительной линии тянулись ряды кроватей. Меховые одеяла, накинутые поверх матрасов, поистёрлись. Старые палатки – рванина на ржавых распорках. Готовилась еда на электропечках с то и дело перегорающими спиралями... А вот и Светлана. Как обычно, она ругалась с Татьяной, супругой Болта. Андрюшка в компании одноклассников внимал речам Митьки Компаса. Неудавшийся мародёр обожал «передавать опыт подрастающему поколению». Сколько раз Сайгон говорил сыну, чтобы держался от старого брехуна подальше...

Но почему так тихо?! Почему не слышно голосов?!

Внезапно станцию затянуло туманом, а когда туман рассеялся, Сайгон увидел себя, совсем малыша, лет пяти, не больше. Он смешно выплясывал. Отец, в рубашке с закатанными рукавами, сидел на диване и наигрывал беззвучный блюз на губной гармошке. Полированный бок инструмента блестел, заставляя мальчишку щуриться, а он так хотел рассмотреть лицо родителя, так хотел!..

– Ты чего?! – Толчок в плечо.

Сайгон вскинулся:

– А чего я?!

– Стал, как дурак, глаза выпучил и чего-то шепчешь. А нас мутанты догоняют.

Даже не оборачиваясь, Сайгон знал: пацюки отстали. Просто знал, и всё.

– Нет там никого. Отстали они.

Лектор расцвёл с недавних пор щербатой улыбкой:

– Так это ж хорошо!

– Как сказать... – нахмурился Сайгон, вглядываясь во мрак впереди. – Не нравится мне это...

* * *

Хоть лопни пополам!

Он разрывался между двумя желаниями. Первое – хотел вернуться к жене и сыну, ведь неспроста Хозяин Туннелей показал ему родную станцию. И второе: найти отца – заветная мечта! Как Сайгон сумеет дальше жить, зная, что дал заднего, столкнувшись с первой же опасностью и видением, шуткой переутомлённого мозга?..

Поход будет недолгим, Берестейская рядом, уверял он себя.

А потом назад, на коленях вымаливать прощение у жены. Милая, виноват, прогулка затянулась, я познакомился с замечательным парнем, он, правда, не брезгует человечиною, но...

– Брезгую.

– Что? – Сайгон очнулся от грёз.

Слишком часто в последнее время он выпадал из реальности. В метро только самоубийцы так себя ведут, а Сергей Ким не склонен к суициду, это уж точно.

– Брезгую! – Лектор тяжело дышал, ноздри его раздувались. – Меня заставили!

– Кто заставил? – Прищурившись, Сайгон хохотнул. – Духи предков? Голос Огуна в башке да с бодуна?

Лектор, казалось, не заметил издёвки.

– Я... я отказывался... долго, очень долго. А потом... Голод. Ты знаешь, что такое голод?! – Нигериец сжал кулаки.

На миг Сайгону показалось, что бродяга кинется на него, но тот внезапно обмяк, словно плюшевый мишка, если, конечно, мишки бывают чёрными и с очень худыми лапами в шрамах.

Голод? Сайгон знал о нём не понаслышке. И потому не осуждал Лектора. Правда, людской плоти он так и не отведал. Слава Хозяину Туннелей, до крайности не дошло. А вот убивать за банку тушёнки Сайгону доводилось. Миновало много лет, и он очень старается об этом не вспоминать.

– Тот парень, высокий, ты убил его на станции... – Лектор шевелил разбитыми губами, глядя мимо Сайгона. – Урки называли его Отелло. Держали в соседней клетке. Иногда к нему приводили девушку. Он должен был спросить: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?», а потом задушить её. Пахан Вокзальной очень любил на это посмотреть.

Сайгон скривился и сплюнул. Он слышал о зверствах блатных.

Поговаривали, что своим основанием паханат на Вокзальной обязан бунту в одной из киевских тюрем. Бунт этот случился буквально за час, а то и меньше, до начала войны. Зэки, ошалевшие от свободы, хлынули в метро. Их вёл звериный инстинкт, не иначе...

Уголовников Сайгон не считал людьми из-за слухов об ужасах, творящихся в Крытой, как те называли свою станцию. Конечно, слухам верить – себя обманывать. Но уж слишком много их было, слухов этих... Говорили, что зэки приручают пацюков и натаскивают их на людей. Вроде овчарок. Мол, сначала пацюков использовали при регулярных обходах туннелей – вместо датчиков метана. Мутанты на выделение газа чутко реагируют. Но Космос запретил травить «милых зверушек», и теперь для обходов используют рабов. Разматывают от ошейника полста метров цепи – и вперёд, гремя звеньями, как кентерберийское привидение, топай и глубоко дыши.

Правда это или нет, Сайгон сказать не мог. Точно одно: отбросы довоенного общества основали на Вокзальной общину. Сайгон там не бывал, хотя и продал пять клеток с животными пожилому азербайджанцу, вору в законе. Иных дел с криминалом он не имел.

А ещё говорили, что Лёнчик Космос – старый пахан – до войны был мэром Киева, вроде как приличным человеком. Нынче же он совсем потерял людское подобие – из-за наркотиков. Вот этим байкам Сайгон точно не верил. Надо же такое придумать!..

– Ким. – Он протянул руку нигерийцу.

– Что?

– Ким – фамилия, а зовут Сергей. Прозвище – Сайгон.

Сам не понимая зачем, он рассказал бродяге, что прозвище своё получил из-за фамилии – один хлопец из команды Майора сказал, что она корейская. Да и вообще город Сайгон никакого отношения к обеим Кореям не имел, его давно переименовали в Хошимин, и не факт, что он уцелел в ядерном апокалипсисе. Откуда святошинец это знает? А потому как

в школе уважал географию. Очень. И зверушек любил. Именно эта любовь и спасла ему жизнь...

– Ладно, ерунда это. – Сайгон мотнул головой, прогоняя сонливость.

Устал он и много крови потерял. Рёбра, колено, затылок...

Разболелась нога – хорошо прихватила толстуха. В слюне пацюков содержится анестетик, его действие закончилось – пока тебя едят, тебе не больно, а вот потом... Надо перевязать. Вытащив из рюкзака флягу с самогоном и пакет с тонкими матерчатыми полосами, аккуратно сшитыми между собой, Сайгон занялся обработкой раны. С тревогой он вглядывался в чёрную пустоту впереди. Где-то там станция Нивки. Как его примут?..

И ещё одна мысль не давала покоя: что-то ведь спугнуло пацюков, что-то заставило мутантов отказаться от гарантированной добычи.

Что, а?!

– Большой белый человек, который тебе нужен, он... – Сказав это, Лектор замолчал.

Сайгон насторожился:

– Что с ним?

– Он странный.

– То есть? У него на лбу рога и он лает? Ты, братишка, поясни, а то как-то непонятно.

Лектор ухмыльнулся, оценив чувство юмора святошинца:

– Он на Берестейской собирал отряд.

– Отряд?

Нигериец кивнул:

– Для похода на Днепр. Только никто не захотел с ним идти. Он уговаривал, жетоны предлагал – и мне, и всем нашим, а потом ругаться начал. Его даже хотели выгнать со станции.

Сайгон закрепил конец самодельного бинта булавкой.

– Я правильно услышал: отряд для похода на Днепр? На ту самую станцию Днепр?

– Он странный, твой большой белый человек...

Да уж, сумел бродяга растревожить. И зачем отец собрался к чёрту на кулички? Что он там забыл, на последней уцелевшей станции ветки?.. О Днепре вообще нет никаких сведений. Кроме того, что станция эта до сих пор существует. Вроде бы. А ещё известно (кому известно, кто там был?), что метромост разрушен и связи с Гидропарком и остальной веткой нет.

– А почему раньше молчал? – Сайгон глотнул из фляги. Дезинфекция внутренних органов только во благо.

– Повода не было.

– А сейчас появился?

– Не-а. – Лектор растянул разбитые губы в улыбке.

Каждый тубинг на внутренней поверхности спинки помечен заводским знаком и номером плавки, так и люди помечены чертами своих родителей. Сайгон хотел спросить у нигерийца, похож ли он на большого белого человека, но не решился.

– Давай двигаться, братишка. Хватит сидеть.

* * *

«Светофоры автоблокировки обозначаются цифрами, светофоры полуавтоматического действия – буквами и цифрами», – вдруг всплыло из глубин памяти. Сайгон много чего нахватался в лагере мародёров, расположенном в зоне коллективной защиты пассажиров. Координаты зоны Сайгон не расскажет даже под пыткой. Он клятву дал – никому!..

Впереди вдруг заалело око светофора. Это означало: «Стой! Запрещается проезжать сигнал!»

– Запрещается проезжать? – Похоже, Лектор знает правила дорожного движения в метро. На права, что ли, сдавал, на машиниста?

– Ага, – кивнул Сайгон. – Но нас это не касается. Мы сигнал пройдем.

Только он это сказал, чуть левее зажглось ещё одно красное око.

– Теперь их два, – меланхолично заявил нигериец.

Сайгон умел считать не только до двух, он знал и таблицу умножения, о чём хотел сообщить Лектору, но промолчал. Ему всё меньше нравился расклад. На повторительном светофоре – том, что слева, – табличка с одной наклонной полосой была перекошена так, словно кто-то вцепился в неё, да силёнок не хватило отодрать, металл лишь погнулся. Когда путники подошли ближе, Сайгон посветил на табличку и поспешно отвёл луч в сторону, заметив следы... клыков? когтей?

Или жвал?!

Что за чертовщина? Почему светофоры работают? Везде они мертвы уже двадцать лет, а тут горят, словно зрачки демона из преисподней!

– Эй, Ким, – подал голос нигериец, – ты бы вернул мне цепь.

– Держи карман шире, братишка. – Сайгон не стал бы вооружать каннибала, напади на них даже лыбидь. – Красный свет, прохода нет. И вообще, называй меня «босс».

Настроение сразу улучшилось. И плевать на старое электрооборудование, в котором закоротило контакты. Поправив рюкзак, Сайгон шагнул вперёд.

– Стой!!! – рявкнул нигериец.

Святошинец так и застыл с поднятой ногой.

– Посвети-ка вниз, босс.

Сайгон посветил. И сразу понял, почему пацюки отказались от лакомой добычи: бетон, шпалы и даже рельсы, всё было истыкано норами выползков.

Норы те в палец толщиной – не сразу и заметишь. А наступишь на такую дырочку – в лучшем случае без ноги останешься. Червь-мутант словно пуля вонзается в стопу и тут же с огромной скоростью принимается жрать тебя и размножаться. Незамедлительная ампутация конечности – единственное спасение.

Сайгон осторожно отвёл ногу на пяточок, свободный от нор. Ещё шажок в обратном направлении, ещё... Сайгон перевёл дух. Тут уже чисто.

Лектор заметил опасность и дал знать. Царский жест. Ведь каннибал мог промолчать в надежде, что Сайгон вляпается, избавив его от обязательств. Спрашивается, почему предупредил? Из благодарности за спасение от пацюков? Но ведь именно Сайгон и оставил его на растерзание мутантам...

– Спасибо, напарник. Мы квиты. – В ушах звенело от напряжения.

– Не за что, босс. По эвакуационному пути пойдём. Он чист.

Эвакуационные пути, семьдесят сантиметров шириной, тянутся от станции к станции. Проектировщики предусмотрели их на случай, если поезд застрянет на перегоне и придётся выводить пассажиров своим ходом.

Действительно, тут не было ни одной норы выползков, это Лектор верно подметил. Дальше двигались гуськом. Нигериец впереди, Сайгон светил по сторонам, ужасаясь тому, что стены здесь были похожи на губку – из-за бессчётного количества нор. Расплодились черви, вольготно себя чувствуют.

Когда Сайгон вернётся на Святошин, он обязательно организует сюда экспедицию. Надо же известить эту погань, а то вовсе отрежут станцию от внешнего мира. Да и туннель может обвалиться... Кислотой их, что ли, травить?

– Их едят, – подал голос Лектор. – Вкусные, честно. Если хорошо приготовить. Я умею.

Сайгон скривился. Жрать слизких, чёрных, как смола, выползков с локоть длиной? Ну уж нет!

А как насчёт улиток, Серёженька? В метро ведь улитки вырастают с кулак размером. Иногда попадаются экземпляры с футбольный мяч. Это корм для нищих, для тех, кто не может заплатить не то что за хомячину и крольчатину, но даже за крысу. Правда, Сайгон сам с удовольствием трескает жареных улиток. Только просит жену готовить их так, чтобы никто не узнал о его кулинарных пристрастиях...

– Ты с какой станции? – спросил он, чтобы не идти молча. В темноте вообще тяжело сохранять тишину, а после пережитого стресса и подавно. – До Вокзальной ведь где-то жил?

– С Дарницы мы, – рассеянно ответил Лектор. Он на ходу обкусывал ногти. Тоже занятие.

– Откуда?! – Сайгон решил, что бродяга над ним издевается.

Но на дальнейшие вопросы Лектор отвечать отказался. Категорически.

А если правда с Дарницы? Да ну, быть такого не может! Метромост разрушен. Или всё-таки уцелел? К тому же Дарница – на поверхности! Или нет?.. В любом случае Лектор что-то не договаривает. Или всё-таки издевается?..

Сайгон настолько озадачился, что не сразу заметил свет впереди.

Над шпалами возвышалась полосатая тренога. На треноге стояла зажжённая карбидка.

– Опять «Стоять! Запрещается проезжать сигнал!»? – спросил Лектор.

Сайгон кивнул:

– Шутка, сказанная дважды, перестаёт быть смешной. Тут были люди. Карбидка сама не загорится. Но кто это сделал и с какой целью?

Сигналы светофоров предупредили об опасности. Следует ли дальше доверять намёкам анонимных доброжелателей? Или кровного врага? Опыт жизни в метро подсказывал, что никто ничего не делает просто так – за всё надо платить. А Сайгон не покупает, не зная цену. Добрые дела – это ведь товар, верно?

– Как зебра. – Лектор прикоснулся к треноге, словно надеясь, что она встанет на дыбы и ускачет далеко-далеко.

Сайгон ухмыльнулся: тянет-таки парня в пампасы, или что там у него на родине.

Через полсотни метров путь им преградила ещё одна тренога, на сей раз с прямоугольной табличкой, на которой было написано: «Стоять! Контактный рельс под напряжением!».

– Любят дамочки хлам подбирать, – сказал Лектор. И добавил: – Нивки рядом.

Сайгон мысленно выругался. Верно, пацук закусай! Путь в новинку лишь ему, а нигериец излазил метро вдоль и поперёк. В туннелях он себя чувствует лучше, чем Сайгон на родной станции.

Вдруг из темноты к ним кинулось нечто чёрное и бесформенное.

Сайгон схватился за лук, но Лектор подтолкнул его локоть – и стрела ушла вверх. Ищи её теперь!

– Опустит оружие, босс! – зашипел бродяга. – Жить надоело?!

– Отсутствие частоты! – крикнуло нечто.

И ударило Сайгона прикладом в грудь.

Глава 4 Амазонки

Сработала охранная сигнализация. Столько лет ей, а до сих пор в порядке.

От станции Нивки уже спешило подкрепление, лязгая металлом, топая ботинками и подсвечивая дорогу площадками с жиром... А на Святошине сигнализация приказала долго жить в незапамятные времена, иначе нигерийцы не пробрались бы незамеченными.

– Эй, аккуратней! – разозлился Сайгон. Не нравилось ему, когда его бьют.

И тут же получил прикладом в живот. А через мгновение под сводом туннеля врубился прожектор. На какое-то время Сайгон ослеп. Потом, когда глаза перестали слезиться, осмотрелся.

Нечто чёрное оказалось девушкой в балахоне и косынке. Лицо девушки было вымазано сажей. Из бандольер на округлой груди торчали запасные магазины для винтовки, на ремне висели ножны с внушительным тесаком. И главное – во взгляде читалась решимость использовать арсенал по назначению. Вот это реальная охрана станции, а не Болт с Кашкой!

– Девушка, милая, только драться не надо! – взмолился Сайгон, всерьёз уже решив, что если она ещё хоть раз...

– Заткнись, животное! – Почему-то фермер сразу понял, что у жителей Нивок хорошие манеры не в почёте. Плохое начало знакомства.

Вообще-то на Нивках у Сайгона есть знакомые. Помнится, лет десять назад к нему заявила дамочка с распущенными волосами чуть ли не до колен. Наина её звали, странное имя... Сопровождали её две девицы в хиджабах, помоложе и явно хорошо вооружённые: у каждой под грудой одежек можно было спрятать по РПГ и винторезу.

Вела себя Наина откровенно вызывающе. Потребовала, чтобы Сайгон предоставил ей животных, способных продуктивно размножаться. Так и сказала: «Продуктивно размножаться». Не попросила, в ножки не упала, а именно потребовала! Сайгон сразу заметил, что в платье гостье некомфортно. Мало оно ей было, что ли?.. На миг Сайгону показалось, что дамочка сейчас сбросит с себя ненавистную ткань. Почуввав неладное, Светка не отходила от мужа ни на шаг.

Сайгон содрал с Наины втридорога и назначил серьёзный процент за пользование франшизой «Ким и сын». А вот не надо нос задирать.

К его удивлению, отчисления с Нивок поступали регулярно. В отличие от той же Вокзальной.

– Меня зовут Сергей Ким. Ну, кролики и хомяки! Мясо! Это благодаря мне! Вы должны знать...

– Разберёмся, – лениво обронила девушка в балахоне.

Через минуту путников окружили женщины в камуфляжных комбезах не первой свежести. Кое-кто щеголял потёртыми спецназовскими беретами и вязаными шапочками. На Лектора и Сайгона наставили стволы автоматов со штыками. Оружие у дамочек было в лучшем состоянии, чем одежда.

Путников повели к станции, подгоняя прикладами. Хорошо хоть не штыками... Пару раз Сайгону очень болезненно двинули в поясницу. Сзади то и дело раздавалось хихиканье. Чувствовалось, что дамочки получают удовольствие, причиняя мужчинам боль. Развлечение у них такое.

Сайгон стиснул зубы, чтобы не выругаться. Не надо усугублять. Лук, пистолет, шестерни и нож у него отобрали. Рюкзак перекочевал к долговязой амазонке, на щеках которой краснели подростковые прыщи. Девушка оказалась не из любопытных, в рюкзак не

заглянула, а то плакали бы сбережения Сайгона. И вот что забавно: к Лектору относились мягче – потому что у бродяги не оказалось оружия. Дурно пахнувшая набедренная повязка не в счёт.

– А по какому праву, собственно?! – возмутился Сайгон. – Между станцией Святошин и суверенной станцией Нивки существуют определённые соглашения, и я...

Его монолог оборвали массажем почек посредством приклада.

Чем ближе к станции, тем веселей. Казалось, дамочкам вот-вот надоест развлекаться – и раздастся грохот, и пуля перешибёт Сайгону позвоночник у основания черепа. Или продырявит затылок. Или... С удивлением он понял, что пленники и конвой уже выбрались на платформу.

На станции было темно, хотя по всем прикидкам уже настало утро. Пора бы включить центральное освещение вместо едва заметного дежурного.

Что Сайгону известно о Нивках? То, что и всем: мелкого заложения, платформа островного типа. Всё точь-в-точь, как о ней рассказывали караванщики, эти разносчики болезней и слухов. На станции есть два подземных вестибюля, где вроде как расположены фермы и прочие хозяйственные подразделения. Вот бы Сайгону туда прогуляться, посмотреть. Но ведь барышни не пустят... Темно. Ряды спящих прямо на полу и на тонких подстилках. Тут что, не знают о существовании кроватей?

– Босс, у них всё наоборот, – пояснил Лектор, заметив недоумение Сайгона. – Они время выставили на часах иначе. На станции только-только наступила ночь. А кровати они считают символом рабства. Мужчины много лет эксплуатировали женщин в постели, чуть ли не насиловали. Кровать на этой станции – табу.

Сайгон мысленно выругался. Пацук закусай! Всё у этих баб не как у людей!

– Тут сидьте. Вставать, самостоятельно передвигаться запрещено. Громко разговаривать запрещено. – К ним подошла женщина лет сорока, с головы до ног укутанная в тряпье. Косынка чуть сдвинулась, было видно, что череп у женщины обрит. Она принесла путникам тёплую, слегка солоноватую воду в бутылке из прозрачного пластика. Ногти на пальцах она стригла «под мясо».

Конвой, как по команде, снял головные уборы и расстегнул камуфляжные куртки, ловко действуя покрашенными ногтями. Мужскому зору открылся приятный вид. Ведь под куртками у длинноносых девиц не было ни одежды, ни белья, зато мать-природа щедро наделила их женственностью. Прямо цветы жизни, распутившиеся в подземелье. Вот где Андрюшке надо выбирать жену, когда вырастет. На Святошине таких красоток нет.

Сайгон поёжился, представив девушку-конвоира в роли своей невестки. Спасибо, не надо. Лучше пусть сына окрутит святошинская простушка: с лица воду не пить, главное, чтоб человек был хороший...

Конвой устроился неподалёку от пленников. Дамочки расселись на складных стульях из гнутых труб и ткани – кажется, они называются шезлонгами. Интересно, почему на них нет запрета? Смутно припоминалась сцена из довоенной мыльной оперы, где женщина сидит в шезлонге у бассейна, а над ней склонился слуга-мужчина и предлагает бокал с напитком. Вот потому и не табу, что склонился и предлагает.

На станции было очень жарко, даже душно. Проблемы с вентиляцией?..

– Они называют себя амазонками, босс.

– Есть такая река, Амазонка, – задумчиво кивнул Сайгон. – В Южной Америке. Или была. Индейцы, пираньи, анаконды...

Похоже, он уловил основные принципы местного бытия.

У них тут кастовая система. Низшие существа в местной иерархии – вроде той женщины, что принесла воду. А те, которые заплетают косы и расхаживают без лифчиков, куда круче лысых в косынках. А если вспомнить дамочку, которой он продал франшизу, логично

предположить существование сливок общества – полностью голых и с длинными распущенными волосами. Потому на станции и жарко, чтобы можно было расхаживать голышом и не чихать. Или наоборот – голышом, потому что жарко.

Сайгон заметил на стене наглядную агитацию. Прищурившись, разобрал белые буквы на красном фоне: «Женщины всех станций – объединяйтесь!»

– Эй, животные! Чего сидим? Раздевайтесь! – скомандовала та самая девушка, что взяла их в плен. Она уже смыла с лица сажу и сняла косынку. Вопреки ожиданиям, волосы у неё были на месте – огненно-рыжая коса обмотана вокруг головы. Зелёные глаза с интересом разглядывали Сайгона, когда он снимал с себя куртку и стягивал ботинки.

Конвой тоже не сводил с пленников глаз.

– Штаны снимай, животное, чего застыл!

– Зачем это? – воспротивился Сайгон.

Он украдкой поглядывал по сторонам, прикидывая, что можно использовать в качестве оружия. По всему получалось, что ничего. Да и конвой расстрелял бы пленников раньше, чем Сайгон сделал бы хоть одно резкое движение.

Значит, пока что не надо рыпаться понапрасну. Ничего, Сайгон обязательно поквитается за унижение. Прощать и подставлять вторую щеку не в его привычках.

– Снимай, я сказала!

Станция Нивки – это территория победившего матриархата, если кто не в курсе. На любого мужчину тут смотрят с опаской, ненавистью и презрением. Иногда – с вождением. В случае рыжей возможен последний вариант: Сайгон ей понравился. В этом нет ничего удивительного, он привык к тому, что при одном его виде с некоторыми особами начинает твориться чёрт-те что. Не так уж много в метро сильных рослых мужиков.

– Гильза, ты опять за своё? Смотри, доиграешься! Обреем налысо! – послышалось со стороны полуобнажённых девиц в шезлонгах.

Вроде как шутка, а может, и угроза. Судя по тому, что милое личико рыжей исказила гримаса ненависти, с юмором на Нивках не сложилось.

Кукольное, вспомнил Сайгон. Жена Светка называла такие лица, как у рыжей, кукольными. Барби – так он мысленно окрестил озабоченную девицу.

Контактный рельс прикрыт защитным коробом, потому и людям надо одеваться, а не разгуливать по станции в чём мать родила. Так объясняют детям, родившимся в метро, зачем нужны условности вроде одежды. Ведь все у всех на виду. Все знают, кто как с кем спит, чем дышит, о чём думает. Обнажение душ. Так зачем скрывать тела, если тепло?

Рыжая Барби не старше восемнадцати. Она мыслит, как ребёнок. Вот только обнажаться должны другие.

– Эй, красавчик, а ну-ка повернись!

Красавчик, да? Ну, не животное – уже хорошо.

– К лесу передом, к тебе задом? – Сайгон вскипел. Всему же есть предел! Вот-вот выплеснет скопившееся негодование. А если кого ошпарит, он не виноват.

– Эко тебя, босс... – Лектор увидел шрамы на спине Сайгона.

Скажем так, спина его представляла собой интересное зрелище. Между лопаток и вдоль позвоночника пролегла белёсая вязь рубцов, которая складывалась в слова «Спаси и сохрани». Причём буквы были вырезаны мастерски, очень похоже на старославянские.

– Что это, босс?

– Ошибка молодости. – Сайгон зло посмотрел на Барби. – Вечная память о делах давно минувших дней, когда казалось, что весь мир...

* * *

...Сайгону тогда казалось, что весь мир принадлежит ему.

Он один волен распоряжаться своей судьбой. А если постараться, так и судьбами прочих обитателей метро. Всего-то и надо – протянуть руку, взять Хозяина Туннелей чуть пониже пупка, покрепче сжать и внятно произнести свои требования. По глупости – из-за своей безмерной самонадеянности! – он попал под скальпель религиозного фанатика. Случилось это на Житомирской. Причём Сайгон, как он утверждал, конечно же, пострадал ни за что. Он всего лишь руку протянул, потрогать хотел, ничего такого, а его, бедного, унизили и оскорбили...

Дело было так. Пошёл по метро слух, что на Житомирской есть идеальное оружие – лук, который со ста метров разит пацюка в зрачок. А хозяин того лука – сам патриарх Всея Метро отец Никодим, оборонитель истинно верующих. Этот седой старец в прошлом числился то ли генералом аэромобильных войск, то ли полковником СБУ и в свободное время увлекался стрельбой из лука, даже мастером спорта был. Он-то и заказал Майору спортивный инвентарь высочайшего класса. А взамен пообещал пожизненное отпущение грехов и три цинка патронов. Полгода изо дня в день Майор поднимался на поверхность в поисках нужной вещи. Это уже стало делом принципа, а не заработком, но Майор выполнил-таки заказ отца Никодима.

Только слава о луке достигла ушей Сайгона, он сразу решил занять такой же. И потому отправился на поклон к Майору, который тогда ещё обитал на Святошине. Майор выслушал парня и ответил, что нет ничего невозможного, Сайгону надо лишь пройти курс обучения. «Задатки у тебя есть. Злость, ярость – всё при тебе. Поднимайся наверх и бери что хочешь!» – так ответил мародёр глупому мальчишке по фамилии Ким.

Мальчишка поверил Майору и полностью погрузился в учёбу.

Правда, ненадолго.

Позже, навсегда покинув лагерь мародёров, он предпринял дерзкую попытку выкрасть легендарный лук. Конечно, из этой затеи ничего путного не вышло – его поймали с колчаном в руках. Патриарх лично присутствовал на пытках, поучая катов, как больней сделать клиенту, нанося при этом минимальный вред драгоценному здоровью. Отец Никодим сделал всё от него зависящее, чтобы дерзкий вор мучился как можно дольше.

Сначала патриарх хотел вырезать на спине у вора заповедь «Не укради», но, поразмыслив, решил, что поздно воспитывать заблудшую овцу, зато самое время позаботиться о спасении души. Посреди Житомирской стояла виселица, которая редко пустовала. Вот с ее помощью Серёжа Ким и должен был покинуть суетный мир. Чудом – это отдельная грустная история – он сумел сбежать.

А пять лет спустя низенький азербайджанец с Вокзальной преподнёс Сайгону поистине царский подарок – тот самый лук. Это была плата за франшизу. Через неделю отец Никодим умер. Говорят, не перенёс разлуки с любимым оружием...

И вот лук, из-за которого Сайгон рисковал жизнью, валяется на платформе Нивок, будто обглоданная кость, никому не нужная – наступи, раздави, не жалко. Сердце Сайгона стучало, как колёса по рельсам, когда он смотрел на своё с таким трудом добытое оружие.

– Давай, красавчик, поворачивайся, не робей! – Барби чуть ли не облизывалась, глядя на тело Сайгона: ни грамма жира, бугры мышц, полосы шрамов.

– Ты напрасно тратишь время. – Он скрестил руки на груди. – Я не принимаю ухаживаний. Извини, у меня есть жена, и я очень её люблю.

Рыжая так и застыла на месте. Лицо её побледнело, затем покрылось алыми пятнами. Она вытащила из ножен на поясе тесак, которым легко можно продырявить человека

насквозь, и шагнула к Сайгону. Лезвие уткнулось ему в кадык. Постанывая, Барби прижалась к фермеру всем телом.

В паху Сайгона вдруг стало жарко, он едва заставил себя отдёрнуть руки – так хотелось обнять красотку. Не для того он затеял поход, чтобы изменить жене... Не для того...

Короткий, но очень болезненный удар в запястье, потом в локоть – кисть девушки мгновенно онемела, нож выпал. Сайгон подхватил его на лету и тут же приставил к горлу рыжей.

Ещё не позабыл науку Майора.

– Ну что, Барби, сыграем в твою игру наоборот? Чур, теперь я вожу!

– Не надо, босс! – крикнул Лектор, но Сайгон проигнорировал его совет.

На Нивках им делать больше нечего. Да, Сайгон рассчитывал навестить местную ферму и даже позавтракать за счёт заведения. Тем более, что возможность подобных визитов и услуг отдельно оговаривалась при продаже франшизы. Ну да ладно, не в этот раз.

– Верните моё оружие. – Обращаясь к девушкам из конвоя, Сайгон скорчил самую жуткую гримасу, на какую он только был способен. Он ведь животное. – И рюкзак! Всем оставаться на местах, или она умрёт!

– Кто ты такой? – прохрипела рыжая. Похоже, она испугалась не на шутку.

Сайгона это только воодушевило:

– Я фермер со станции Святошин.

– И все мужики у вас такие? – В голосе Барби прозвучал живой интерес.

Перед глазами Сайгона всплыли лица Митьки Компаса, Болта и Кашки...

– Все! С нами шутки плохи и...

Он бы мог ещё много чего сказать, но телом его овладела слабость.

И он упал.

* * *

Днепровские волны поднимали, грозя опрокинуть, лодку с прогнившими, кое-где надломанными бортами. Вёсла то и дело черпали воздух, когда лодку швыряло вверх. Ветер, наполненный крупными льдами, с явным удовольствием хлестал по обнажённой спине – ты никак не мог согреться, рук уже не чувствовал, голова раскалывалась от холода, – казалось, в неё засыпали горячей чугунной дробью и хорошенько встряхнули.

Чуть впереди в разрыве тумана чернел контур ещё одной лодки. И ещё одна отстала, если вообще до сих пор на плаву. На дне хлюпала вода, твой товарищ, обнажённый, как и ты, рыдал, вычёрпывая её ладонями. Бесполезно. Воды всё больше и больше. Вы не доплывёте. Вы погибнете. Вы...

Ну и пусть! Пути назад всё равно нет! Гидропарк – это хуже смерти, это...

Для этого просто нет слов. Лучше утонуть в пучине древнего Борисфена, чем стать ЕГО добычей!

Третий ваш товарищ без сознания. Он умолял не бросать его на Гидропарке. Это было тяжело, но ты тащил на себе коченеющее тело, хоть уже было ясно – ему не выжить. Пусть. Тела нельзя оставлять, иначе ими завладеет ОН.

Свинец, резиновые костюмы, противогазы и защитные скафандры? Не смешно. Главное – уйти. Сбежать куда глаза глядят, куда ноги пока что несут. Вам невероятно повезло – вы нашли лодки. И все они были на плаву! Это же настоящее чудо! Подарок судьбы...

Вот только подарок этот уже наполовину затоплен. Но руки опускать нельзя, надо быстрее грести и быстрее вычёрпывать воду.

Быстрее! Быстрее! Быстрее!!!

...Сил больше нет, ты не железный. Ты просто человек. Товарищ твой подтягивает ноги к груди, обхватывает руками в последней надежде согреться. На третьего ты немотришь.

Он уже далеко отсюда, предки хлопают его по плечам, протягивают копьё. Там, где он, всегда тепло и есть пища.

И всё-таки вёсла раз за разом погружаются в чёрную бездну. Раз за разом, равномерно, держать темп, держать!..

Ветер резко усиливается, ты слышишь хлопки над головой, но посмотреть вверх нет сил. Ты отдал себя одному движению – опустить вёсла и подтянуть к себе, опустить и подтянуть, и опять, и вновь...

Товарищ испуган, он прикрывается руками. Опасность в воздухе. Слишком рядом. Но вверх смотреть нельзя – собьёшься с ритма, и тогда...

Резкий толчок швыряет лодку метров на десять вперёд. В полёте она чуть наклоняется, вода льётся, потом удар, брызги, ты на вёслах, порядок, товарищ кричит что-то, не разобрать что.

Тебе должно быть страшно, но нет, ты рад, потому что лодка теперь пойдёт легче – воды в ней меньше, да и вас осталось двое. А если б ты один... Ты прогоняешь эту подлую мыслишку. Кто-то должен грести, а кто-то вычёрпывать воду. Грести и вычёрпывать. Грести и...

Опять ветер и хлопки над головой.

Товарищ уже не кричит, его рот открыт, он похож на рыбу, выброшенную на берег штормом. Он знает, кто следующий. На лице его подобие улыбки, он будто извиняется перед тобой.

И тогда ты бросаешь вёсла.

И поднимаешь глаза.

И видишь свою смерть, её зубастый оскал.

Но за миг до того, как громадные когти смяли бы тебя, страшный удар снизу размывает лодку надвое. Ты проваливаешься в жидкий лёд, он накрывает тебя с головой. Ты кричишь от страха и холода, ты хочешь жить, но у тебя не получается.

Холод скользит по гортани, врывается в лёгкие. Ты видишь рядом что-то большое, чёрное и в бугристых наростах. Длинные толстые усы – или это змеи?! – колышутся у громадной пасти, которая запросто проглотит тебя целиком. Левиафан могуч, его хвост – крыло самолёта, глаза – полусферы в прожилках вен. И в глазах тех любопытство. Левиафан ещё не видел таких, как ты.

А ты идёшь ко дну, ты не умеешь плавать.

Ты не умеешь дышать под водой!

Мгновение – и левиафан уже рядом, можно прикоснуться к нему. И ты не хочешь, нет, но тело решает иначе, руки хватаются за плавник чудовища. И оно тут же взмывает вверх.

Ты прошиваешь головой границу жидкого льда. Ветер обжигает лицо. Туман далеко, вторая лодка в каких-то метрах от тебя.

Ты делаешь хриплый вдох и...

* * *

Сайгон проснулся в холодном поту. Или очнулся? Ведь, кажется, он потерял сознание...

Сон был настолько реальным, что Сайгон минут пять не мог избавиться от уверенности, что это он сам участвовал в тех событиях: обжигающе холодная вода, громадная тварь, по всему – сом-мутант, товарищи, которые едва затащили в лодку его полу-мёртвое тело...

Во сне он купался голышом, у него была чёрная кожа, его товарищей тоже не назовёшь альбиносами. Это не Сайгон, это каннибал по кличке Лектор плыл по Днепру и тонул...

Точно! Нигериец! Этот кошмарный сон – эпизод из прошлого Лектора, не иначе. Да уж, не хотел бы Сайгон оказаться на месте бродяги. Но ведь оказался?..

Как такое может быть?!

– Где я? Что, чёрт побери, со мной происходит?! – спросил Сайгон темноту, что окружала его. Хоть открывай глаза, хоть закрывай – без разницы, видимость нулевая.

Последнее его воспоминание: он обнимает рыжеволосую кокетку, а потом...

Потом он оказывается в лодке посреди могучей реки.

А дальше – вот.

Чёртовы амазонки! Что они с ним сделали? Куда засунули? Ощупывая пол – каменный, ровный, – Сайгон на четвереньках двинул вперёд и почти сразу уткнулся головой в решётку. Сталь, толстая, не погнёшь, не сломаешь. Мышцы отозвались болью, когда он напрягся, пытаясь вырвать прутья. Никак. Он обследовал темницу по периметру и убедился, что решётка отсекает его от прочего мира с четырёх сторон. До потолка не достал даже в прыжке...

А потом он что-то услышал. Какой-то звук... странный. Он, как любой крот, мог отличить шаги крысы-самки от поступи крысы-самца. Не спрашивайте как, просто мог, проверено. А тут... Сайгон никогда не слышал ничего подобного.

Он перестал дышать, вслушиваясь во мрак.

Хм, тихо... То есть вообще ничего. Показалось? Но когда Сайгон решил, что это из-за переутомления, звук повторился – по левую руку от него. Сайгон развернулся, приготовившись встретить опасность лицом к лицу, но тут прозвучало вновь – позади. И опять – слева. И вновь – справа. Сайгон вертелся, как юла. Неведомые враги окружали его! Уже окружили!

Ополумев от страха, он вцепился в решётку и хотел позвать на помощь, но не смог выдать из себя ни звука! Он готов был ползать на коленях, моля амазонок о милости...

И вдруг темнота тяжело задышала у самого его лица:

– Не бойся, красавчик. Это я.

Он отпрянул, хотя голос показался знакомым. Барби, это же Барби! Вот уж никогда не подумал бы, что так обрадуется визиту рыжей амазонки. А ведь из-за неё Сайгон угодил в эту богадельню!

– А я и не боюсь, Барби. С чего ты взяла? – Дар речи вернулся так же легко, как и пропал.

– Тут акустика такая, что любой обделается от шороха шагов. И я не Барби, меня зовут Гильза! – Темнота обиженно засопела.

– А нормальное имя у тебя есть?

– Это и есть нормальное. – Рождённые в метро без пиетета относятся к Ф.И.О. В отличие от старшего поколения, которое из всех сил цепляется за устои прошлого.

Сайгон отчётливо представил себе девушку. Лет восемнадцати, небольшого роста, не то чтобы худощавая, но и не пышка. Всё при ней, кожа чрезмерно светлая, как у всех, кто родился под землёй...

В темноте мозг страдает из-за отсутствия информации. Чтобы не сойти с ума, надо хорошенько постараться. Этому приёму Сайгон научился в лагере мародёров. Надо предельно точно воспроизвести по памяти картинку и заставить её двигаться, добавив звуки и запахи.

Попробуем? Сайгон мысленно перенёс амазонку к себе на ферму и в свете карбидки заставил медленно раздеваться и ласкать себя. Маленькая месть за причинённые рыжей неудобства.

– Ты красивый. Ты мне сразу понравился.

– Продолжай! – хмыкнул Сайгон, с интересом мысленно наблюдая за изгибами молодого тела.

– Ты так похож на моего мужа...

На воображаемой ферме внезапно появилась Светка, смерила взглядом Гильзу и тут же двинула муженька кулаком в глаз. Воображение Сайгона обладало такой силой, что его буквально опрокинуло на спину, он схватился за лицо. Ну вот, теперь синяк будет!

Ферма вместе с рыжей бестией сгинула во мраке.

– Мой муж... он погиб. – Гильза затихла, похоже удалившись в собственный мир, как это только что сделал Сайгон. Единственное отличие – он грезил наяву, а она вернулась в собственное прошлое. – И я... стала другой. Я ушла от жестоких мужчин, которые убивают друг друга. На Нивках только женщины, тут мир и справедливость. Каждой девушке рады, как родной сестре. Так мне говорили. И я поверила! Ты не представляешь, что мне довелось пережить, чтобы оказаться здесь. Но я ошиблась. Я больше не могу находиться среди этих извращенков! Мне здесь не место! Я задыхаюсь, я хочу уйти, понимаешь?! – Гильза шептала с таким жаром, что Сайгон едва вновь не перенёс её на ферму. В последний момент передумал. Не рискнул. Из-за супруги.

– Так уходи, если тебе так плохо.

– Одна я боюсь! Что-то таится в туннелях по обе стороны от Нивок! Опасно! Люди пропадают. Пройти можно только караваном...

Что творится в туннеле на Святошин, Сайгон уже знал. А вот насчёт пути к Берестейской – это новость. И новость не слишком приятная.

– Что ты хочешь от меня, Барби?

– Я не Барби, красавчик! Меня зовут Гильза. И я могу выпустить тебя из клетки, а могу не выпускать. Могу провести через станцию и все засады за её пределами, а могу не делать этого... – Девушка замолчала.

Сайгон не выдержал:

– Что ты хочешь от меня, Гильза?

– Ты поклянёшься своей женой, которую так любишь, что отведёшь меня на Берестейскую.

– Клянусь! – тут же выпалил он и сам понял, что дал слово слишком торопливо. Спешка в таких делах не вызывает доверия. Прочистив горло, он добавил: – Обещаю сделать всё, от меня зависящее, чтобы ты, Гильза, попала на станцию Берестейская.

Некоторое время девушка молчала, будто не она Сайгону, а он ей сделал предложение и теперь надо хорошенько его обдумать, взвешивая все за и против.

Наконец зазвенели ключи в связке. Сайгон облегчённо вздохнул.

– Зажмурь глаза. Я подсвечу.

Чиркнула спичка. Вспышка резанула по глазам даже сквозь веки. Послышался щелчок замка, дверь скрипнула. Свобода! – Раздвинув плечи, Сайгон вышел из темницы.

И тут что-то кинулось на Гильзу из темноты.

Глава 5

Двадцать второго июня

Сверкнуло лезвие ножа.

Рискуя напороться на заточенный металл, Сайгон оттолкнул девушку и перехватил руку убийцы, который тут же вырвался и отступил назад. Повезло – кончик лезвия лишь оцарапал шею амазонки, выступила алая капля. Спичка погасла. И тут же загорелась новая. Нападение было неожиданным, но Гильза не ударилась в панику. Без огня никак. Бой в темноте с тем, у кого ноктолопия⁵, – чистейшее самоубийство. И потому – вторая спичка, сразу. Сайгон это оценил. Теперь бы девушке выхватить пистолет и направить на высокую чёрную фигуру... Но, похоже, Гильза безоружна – сдала арсенал после боевого дежурства, такое практикуется на многих станциях, на Святошине тоже.

– Не надо, – тихо произнёс Сайгон, обращаясь к чёрной фигуре, которая действительно была чёрной. Если ты на враждебной станции, лучше не привлекать к себе внимания громкими звуками, верно? – Это Лектор, мой напарник, – представил он девушке нигерийца. – А это, прошу любить и жаловать, комсомолка, спортсменка и просто красавица. Зовут Гильза. Она пойдёт с нами на Берестейскую. Такие дела, братишка.

Лектор (это он едва не отправил амазонку к праотцам) протянул руку:

– Лектор.

– Гильза. Приятно познакомиться.

Ответное рукопожатие было не по-женски сильным – разминая кисть, Лектор едва заметно поморщился. Он вновь удивил Сайгона: сначала предупредил о червях-мутантах, потом явился освобождать напарника, хотя выгоды ему от этого никакой, одни лишь хлопоты.

– Чем это меня уделали? – спросил Сайгон. – Хлоп – и отдыхаю.

– Электрошокером. – Лектор отлучился за границу света очередной спички. Послышалось узнаваемое журчание. – Девчонкам, которые в засаде, шокеры выдают. На случай близкого контакта с врагом. Я хотел предупредить, но...

– Брось. Я сам виноват, – прикусил губу Сайгон.

Гильза подожгла новую спичку от предыдущей и подула на обожжённые пальцы.

– Не стоит мешкать. Надо скорей покинуть станцию.

Она слишком бодро расходовала дефицитный товар, произведённый в Балабаново. А ведь один коробок жетонов на двадцать потянет, а то и больше. Сайгону никогда не нравились расточительные девушки.

– Согласен, – поддержал амазонку Лектор. – Валить отсюда надо.

– Без рюкзака и оружия никуда не пойду! – Сайгон был настроен решительно: он не оставит обитателям Нивок с таким трудом нажитое добро.

Нигериец молча протянул ему нож. Тот самый, сапожный. Заточенный так, что бумагу на лету можно резать. Другое дело, что Сайгон ни за что не станет портить целлюлозу просто так, она ведь жетонов стоит...

– Этого мало. – Сайгон вернул лезвие в самодельные ножны на голени.

– Всё здесь. – Ботинки и одежда, рюкзак, лук с колчаном, пистолет и шестерни перекочевали к фермеру. – Но цепь я оставляю себе. Если ты не против, босс.

Сайгон опешил:

– Нет... То есть я не против... Но как ты сумел всё это добыть?!

⁵ Способность видеть в темноте.

Лектор улыбнулся:

– Ловкость рук, босс. И никакого мошенничества!

* * *

На правой кисти зеленела роза. На левой – ромашка. Отлично сделанные татуировки. Профи расстарался, высокого класса умелец, а не зёма из соседней роты, употребивший для храбрости полбанки «белой».

Вился дымок, весело потрескивало пламя. Сайгон неспешно подкладывал в костёр трухлявые доски, найденные нигерийцем в боковом ответвлении туннеля – это была опалубка; монтеры бетонировали что-то ещё до войны.

Гильза сидела напротив, скрестив ноги. На шее – длинный ремешок ридикюля, в котором поместилось всё приданое девушки. Она дремала в ожидании то ли ужина, то ли завтрака – со временем в метро полный бардак, а Сайгон разглядывал её и строил предположения о прошлом Гильзы. На привале-то заняться особо нечем, так почему бы и не поразмышлять о том о сём?..

Неужто мадам родом с Вокзальной и там её прописка до последнего звонка? Это многое объяснило бы – повадки, подозрительную склонность к феминизму... Все жители Вокзальной – сидельцы, расписные, что твои матрёшки: с затылка до копчика, от ногтей до корней волос. Глянешь на кожные покровы – лучшие художники времен от бизона до Барбизона и рядом не приседают. К примеру, у того вора в законе, что преподнёс Сайгону лук, на груди была выбита Джоконда, а классический фон дополнял собор без крестов. Нет, серьёзно: улыбка имбецила, скромное платьице, все дела. Пряма репродукция из учебника по зарубежной культуре – чётко снято, класс!..

– Чего уставился? Татушки мои понравились? – Оказывается, Гильза вовсе не спала.

– Типа того, – почему-то смутился Сайгон.

– Это цветы, – словно маленькому пояснила Гильза. – Они до войны на поверхности везде-везде росли. Это роза, а это... – Она замешкалась, вспоминая слово. – А это... барашка. Да, барашка.

– Ромашка, – не подумав, поправил Сайгон и заметил, как зло блеснули глаза амазонки.

– У тебя, может, и ромашка, а у меня барашка!

– Извини. – Он отвернулся, сообразив, что Гильза никогда цветов не нюхала и букетов ей не дарили, ведь родилась она в подземке, а из всего, что тут растёт, цветами назвать можно разве что грибы и картофель, что, конечно, в корне неверно. – Перепутал, наверное. Просто видел когда-то похожий цветок, и он так назывался.

– Правда видел? – Глаза Гильзы округлились.

– Правда. – Сайгону показалось, что в голосе девушки прорезалось уважение.

– Ромашка... – Амазонка покатила слово на языке. – Ромашка, да?

– Угу, – кивнул Сайгон.

Разговор о пестиках-тычинках его малость утомил. Раздав еду и угостив спутников водой, он сунул руку под рюкзак, а лук определил так, чтобы в любую секунду можно было его задействовать. Он уже почти заснул, когда Гильза шепнула ему в ухо:

– А точно везде-везде?

Сайгон не сразу сообразил, о чём речь.

– А-а. Ну да, везде. Сплошняком. И дома, и машины, и... Везде, короче.

– Я так и знала! – Щеки Сайгона коснулась прядь рыжих волос. – Так и знала! Ну, ничего! В метро тоже будут цветы расти! Согласен?

– Угу... – ответил Сайгон и провалился в сон.

...Он был рад, что троица без проблем покинула Нивки.

За последней засадой, где Гильза долго о чём-то шепталась с высокой худющей девицей, Сайгону почему-то бросился в глаза светофор, который был переkreщен двумя планками. Светофор сломался ещё до начала войны, об этом-то и говорила метка-крест. Сайгону, как и многим обитателям подземелья, казалось, что до войны всё было идеально, а вот поди ты – сломанный светофор. Ерунда вроде, а всё-таки. Не боги, нет, обычные люди тогда жили.

Прям как сейчас...

Сети освещения на станциях и в перегонных туннелях управляются дистанционно – из диспетчерских пунктов. Об этом не говорят, но знают все. Если на руководство найдёт блажь, обесточенная станция погибнет. Это любому понятно. Поэтому на ответственные посты допускают только проверенных, уравновешенных людей. Сайгону пост главы Святошина явно не грозит. Хотя...

В «кабинете» Матвея Алексеевича, начальника станции Святошин, есть телевизор. Каждый день Матвей Алексеевич включает его часа на два, не меньше. Экран неизменно показывает серую рябь, звук сломался давным-давно, но Матвей Алексеевич никому не позволяет прикасаться к телевизору, так что о починке и речи быть не может. Антенна выведена на поверхность. Матвей Алексеевич до сих пор надеется. Двадцать с гаком годков миновало, а он каждый день садится перед «ящиком» и два часа пялится в экран. А вдруг?

И после этого начальник Святошина – человек уравновешенный?

Безумие, вот чем болеет всё метро.

* * *

Проснулись, поели, двинули в путь.

Шли молча просто потому, что разговаривать было не о чем. Слишком уж разных людей свёл Хозяин Туннелей. То и дело поправляя рюкзак, Сайгон вспоминал, как однажды к Майору явился новобранец с Университета, шибко умный парень, который всю пользу вался тамошней библиотекой, но не научной её частью, а собранием развлекательного чтива – фантастики, детективов и лавстори с комиксами...

– «Сталкеры? – Майор окинул юнца презрительным взглядом. – Да какие мы, тля, сталкеры?! Мародёры мы. Ма-ро-дёры. Трупы обираем, квартиры выставаем. Шакалим, прощя говоря. Хочешь сталкером быть или ещё кем – пшёл на отсюда, у меня в отряде такой сволочи не водится! Вопросы есть?»

Паренёк громко сглотнул и, поправив на носу очки, быстро завертел головой из стороны в сторону.

– «Вопросов нет, – улыбнулся Майор и хлопнул себя по пятнистому колену. – Отлично. На том и порешим: ма-ро-дё-ры. Сволочи мы и гады. Но остальным, чистеньким и благородным, без нас никак. Мы им нужны. Вот такие дела...» Сайгон мгновенно вынырнул из воспоминаний, услышав, как тонкий детский голосочек проникновенно выводит под завывания баяна:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.⁶

⁶ Песня «Двадцать второго июня, ровно в 4 часа», слова Бориса Ковынева на музыку популярного вальса Ежи Петербургского «Синий платочек»

– Что за чёрт? Вы слышите?! – Сайгон завертелся на месте, пытаясь определить, с какой стороны доносится звук.

Лектор мотнул головой. Гильза вообще не удостоила Сайгона вниманием.

– Ну как же так?! Ребёнок поёт. Слышите?!

Гильзу вдруг затрясло, зубы её отчётливо клацали, она развернулась, явно намереваясь кинуться прочь.

– Эй, ты чего? – Лектор схватил её за плечо.

– Это... это... это... – У Гильзы зуб на зуб не попадал.

Сайгон шагнул к ней и вlepил пощёчину. Помогло. На глазах у девушки блеснули слёзы.

– На Нивках, если рождается ребёнок с отклонениями, его... его... – Девушка разрыдалась.

Сайгон слышал, что делают с такими детьми на Нивках. Их попросту оставляют в туннеле, то есть обрекают на смерть в клыках пацюков. А так как с амазонками чаще всего имеют дело караванщики, которые шляются по всему метро и таскают с собой радиоактивные вещи, то...

– Говорят, души этих детей бродят по туннелю. И когда душ станет достаточно много, они придут на Нивки и...

– Но-но, успокойся. – Лектор обнял девушку и погладил её по спине. – Ты ушла с Нивок, тебе ничего не грозит.

– Правда?

– Да, – подтвердил Сайгон.

Он больше не слышал детского голоса. Сквозняки, наверное. Да и мало ли что может почудиться в темноте под землёй?..

* * *

Сайгон точно помнит дату, день недели и год, когда началась ядерно-бактериологическая война. Это случилось вовсе не двадцать второго июня. Но самое забавное, что остальные обитатели метро помнят иное. И мало того – у каждого своя дата и даже свой год. И всё бы ничего – подумаешь, тронулись рассудком, массовый психоз, – но Светка! Светка же была с Сайгоном в джипе руссички Елены Владимировны. Казалось бы, супруга должна помнить то же, что и он, верно? А вот и нет! Несовпадение у них не то что в днях, но даже во времени года! Ещё один феномен подземной жизни.

Примерно так же в метро люди разных национальностей без труда понимают друг друга. Включились какие-то особые, никем не изученные механизмы людской природы. Глобальная катастрофа всему виной... Кто знает все поражающие факторы ядерного взрыва? Ах, в учебниках по ГО конкретно написано, по пунктам? Умные, да? А вот яйцеголовые – дураки с научными степенями – задирали лапки, понимая, что с каждым годом узнают всё больше и больше и знания эти их ничуть не радуют...

Об электромагнитном импульсе стало известно спустя десятки лет после взрыва первого ядерного заряда. «Ядерную зиму» просчитали и того позже. Нужны ещё доказательства?

– Да ладно тебе, босс, не горячись так! Кто ж знал, что китайцы по нам жажнут? – прервал его размышления Лектор. Сайгон и не заметил, как начал думать вслух.

– Почему это китайцы? – Гильза вроде успокоилась. – Американцы! Это они войну начали!

– На кой мы нужны Америке и тем более китайцам? – Сайгон вытащил из рюкзака флягу с самогоном и немного отхлебнул, чтобы успокоить нервы. – Русские, больше некому. Это Москва по нам ударила. Дабы усмирить непокорных хохлов.

– Или пакистанцы. Они давно грозились, босс. Если от них не отстанут, то...

– А ещё я слышала, будто бы Северная Корея начала. Корейцы авианосец чей-то потопили или яхту, не помню, а тут Америка вмешалась, вроде как учения у берегов проводить надумала. Так корейцы предупреждали, предупреждали, а потом и жахнули. Ну и понеслось...

– У Ирана тоже была ядерная программа.

– Индия всё грозила Пакистану войной...

– А террористы...

– В Ираке ещё искали оружие массового поражения...

– Так ведь не нашли, босс. Китайцы, они во всём виноваты!

Под ногами Сайгона хлюпнуло влажным.

– Стоп! – рявкнул он. – Вода!

Гильза тут же потянулась за спичками, Лектор отступил в темноту, свет мешал ему видеть то, что творилось дальше в туннеле.

Очень плохо, когда вода – утоляющая жажду, свежая – не в трубах, а вот сама по себе, у рельсов. Маленькая лужа – предвестник большой беды. Откроется течь – туннель обвалится, а то и затопит его вместе с ближайшими станциями. Так однажды станция Святошин едва не стала братской могилой, эдаким подземным «Титаником», так что Сайгон не понаслышке в курсе, какой опасностью грозит хлюпанье под ботинками. Кстати, обуви вода тоже не на пользу.

Дальше двигались в колонне по одному. Трое – ведь это уже колонна? Сайгон с фонарём впереди. Луж попадалось всё больше и больше, и даже сам воздух будто пропитался влагой.

– Что это? Почему вода? – спросил Сайгон у нигерийца. – Ты ведь проходил уже здесь?

– Давно, босс. Сухо тогда было. Давно. Теперь иначе.

Это уж точно. Иначе.

Теперь не просто лужи, но сплошное, без отмелей, озеро впереди. Не река, потому что течения нет – Гильза кинула в воду горелую спичку, её не унесло. Стока нет. Хорошо это или плохо? Не спрашивайте Сайгона, он не знает.

– И как мы теперь, босс?

– Поживём – увидим. – Сайгон повёл фонарём по стене у кромки воды.

На уровне груди луч уткнулся в надпись, сделанную белой краской: «Такси. Услуга платная». Сначала он подумал, что это просто глупая шутка караванщиков. Они же сутками не вылезают из тёмных туннелей, вот крыша и едет, развлекаются они так. Но потом он заметил над водой натянутый кабель, один конец которого был примотан к крепёжке на стене, а второй терялся во мраке над озером. Или всё-таки над рекой?..

Услуга платная? Годится! Сайгон ухватился за кабель и потрянул несколько раз, благо тот провисал вдоль стены. Вдали послышалось звяканье – будто к кабелю привязали несколько пустых консервных банок, которые, соударяясь, издавали дребезжащий звук.

– А может, уйдём, босс?

– Поздно. Я уже вызвал такси по телефону.

Темнота над водой вдруг взревела раненым зверем. Гильза попятилась. Вне станции Нивки она больше не претендовала на роль бесстрашной воительницы. А так круто себя вела, спички жгла...

Сайгон натянул лук.

Нигериец раскрутил над головой цепь.

Из темноты на них, бесшумно скользя по воде, двигалось что-то большое.

* * *

– А краску где взял?

– Где взял, там уже нет.

Сайгон сразу окрестил его Хароном. Про себя, конечно. А как ещё называть двухметрового мужика, закутанного с ног до головы в ОЗК? Не Василием же Петровичем Ивановым или ещё каким паспортным именем, смысла в котором нынче не больше, чем в руководстве по выращиванию орхидей. Харон – куда круче и по существу.

– Уже нет? Шутник?

– Ага. – Качнулся хобот противогаза, закрывавшего лицо перевозчика.

Как выяснилось, нечто большое и бесшумное, которое двигалось по воде из темноты, и есть то самое такси – плот, составленный из нескольких надувных лодок сплошь в латках. Резина и ещё раз резина. К каждой лодке придавался собственный насос, поскольку все они были от разных производителей, не пожелавших вводить единый стандарт. А рёв раненого зверя имитировался посредством дудки болельщика, пластмассового двухцветного цилиндра. Футбола давно нет, а дудки остались. Внушительно звучит в темноте, Сайгона впечатлило. Да и не только его.

– Сколько за троих?

– Патроны есть? – Харон не спешил звать клиентов на борт. Опираясь на багор, он остановил плот метрах в пяти от берега.

Сайгон вернул стрелу в колчан:

– Жетонами расплатимся.

– Тогда по двадцать за каждого.

– По десять.

– По пятнадцать.

– Двенадцать. Больше не дам, – отрубил Сайгон. Он всегда гордился своим умением торговаться.

Багор оттолкнулся от дна, плот начал медленно удаляться.

– Эй, ты куда?!

– Вызови другое такси.

– Хорошо, пятнадцать!

– Двадцать пять.

– Идёт! – Сайгон вытащил из рюкзака мешочек и отсчитал нужное количество жетонов.

– Это мы ещё хорошо отделались, – шепнул он Лектору. – А если б этот крохобор по тридцать запросил?..

Да-да, Сайгон гордился тем, что умеет сбить цену.

Довоенные жетоны для оплаты проезда в метро – универсальная валюта на всех станциях Святошинско-Броварской линии. Гривны, баксы, евро... всё это не прижилось. В безумии первых дней после войны люди использовали купюры как туалетную бумагу и жгли из них костры. Потом была попытка использовать в качестве денежных единиц патроны. Но те расходовались слишком активно и сами по себе были дефицитным товаром. А вот жетонов в метро оказалось предостаточно.

Сайгон не в курсе, как на прочих станциях, а на Святошине поступили по справедливости. Взломали турникеты и автоматы по продаже жетонов. Содержимое разделили между всеми, кто был на станции, поровну. Матвей Алексеевич как раз на этом и поднялся – руководил процессом. Благодарный народ избрал его начальником станции. Единогласно. Причём голосовали перед тем, как Алексеевич дал команду выдать гражданам их пай. Что тут

сказать, Алексеевич дураком никогда не был. Вот только с телевизором у него пунктик. Ну да все в метро со своими тараканами в голове...

– Нам бы на ту сторону. Где сухо.

Лектор и Гильза дружно закивали, подтверждая просьбу Сайгона.

– А я думал, на полпути сойдёте. Окунуться вам надо или ещё чего. Ошибся?

Сайгон внимательно посмотрел на перевозчика. Шутит? Типа чёрный юмор? Или все-рьёз? Но маска противогаза надёжно скрывала лицо Харона.

– Шутка, конечно. Жетоны вперёд.

Сайгон с облегчением выдохнул и протянул плату за проезд. Он первым шагнул на борт подземного лайнера повышенной комфортности. И едва не рухнул в воду – резиновая конструкция оказалось крайне неустойчивой. Гильза и Лектор присоединились к Сайгону с большей грациозностью.

Плот отчалил.

Сняв рюкзак и положив рядом с собой лук, Сайгон заметил, что озеро неглубокое, ему по пояс максимум:

– И зачем платить, если можно пройти вброд?

Перевозчик пожал плечами:

– Хотя сейчас верну жетоны. И скатертью дорога.

По двадцать пять за человека, итого – семьдесят пять. Как бы серьёзная сумма, жаль с ней расставаться за здорово живёшь. Но с другой стороны – что-то тут не так, раз Харон готов вернуть полную предоплату. Только это останавливало Сайгона от того, чтобы двинуть своим ходом. Неужели в мирной с виду водичке таится серьёзная опасность?

Какое-то время Сайгон безуспешно всматривался в чёрную гладкую поверхность, кое-где в масляных разводах. Ну хоть бы какой-то намёк!.. Однако ничто не предвещало беды, и именно это больше всего беспокоило Сайгона.

Но всё оказалось прозаичней. Заметив его терзания, Гильза достала из видавшего виды ридикюля небольшой пластиковый коробок с ЖК-экраном на боку и включила его. Проверив уровень радиации, она спрятала дозиметр обратно. При этом зябко поёжилась. Интересно, откуда у амазонки такой дорогой прибор?..

– Я так и думала.

Озеро безбожно фонило, что вовсе неудивительно: то тут, то там протекал свод туннеля – мелкие струйки были похожи на дождь. Вода с поверхности, потому-то перевозчик так вырядился. Значит, ему не нужен хороший психиатр и сибазон, он знает, что делает. Тем хуже для путников.

Сайгон приуныл.

– Ага, – подтвердил Харон. – Водичка тут лечебная. Разливай в бутылки и продавай.

– И купаться в ней полезно не только на Крещение, – невесело развил тему Сайгон.

– Во-во, друг, рубишь фишку. Ну так что, прибыль пополам?

Багор раз за разом отталкивался от дна, продвигая плот по туннелю. Чем дальше отплыли от «суши», тем глубже погружался багор. Туннель заметно уходил под уклон. Вскоре Харон окунал руку по локоть, чтобы толкнуть плот дальше. И когда впереди обнаружился кабель, под углом натянутый между стенами в полу-метре от воды, перевозчик с облегчением засопел в хобот противогаза. Ухватившись за кабель, Харон принялся тянуть – усилия он прилагал значительные, но помощи не просил. Что ж, человек за это жетоны получает, и немалые, рассудил Сайгон. Вскоре, прижав плот надувным боком к стене, Харон перехватил продолжение кабеля, что тянулся к другой стене. Таким вот зигзагом плот двигался дальше уже без помощи багра. Скорость заметно увеличилась. И ещё... Одному Сайгону казалось, что с каждым пройденным метром потолок приближается к воде?..

Так оно и было. Даже при очень большом желании Сайгон и его команда вряд ли пересекли бы озеро вброд. Вскоре вода поднялась так высоко, что им пришлось наклонять головы, чтобы не набить шишки о свод туннеля. Мрачное место. Ещё и сверху льёт.

Зонтом сплошь в цветочках Харон накрыл карбидку, которой освещал курс. Мимо проплыла оранжевая строительная каска, Лектор хотел было подхватить её, но почему-то передумал. Сайгон задумчиво проводил каску взглядом.

Затем потолок медленно, но уверенно пошёл вверх. Вскоре закончился последний кабель, протянутый от стены к стене, и вновь Харон воспользовался багром.

Его пассажиры заметно повеселели.

– Есть такие карты, на них объекты метрополитена нанесены на план города. Масштаб один к пятистам, – пробормотал Сайгон, сам не зная зачем. Наверное, хотелось сказать что-нибудь хорошее. – На тех картах указано всё, что есть возле выходов из метро, возле каждой вентиляционной шахты. Здесь поднимешься – в супермаркет попадёшь, там – в больничку.

– И что? – зевнула амазонка. Несомненно, ей было очень интересно узнать ответ на свой вопрос.

– Как что? Обладая такой картой, вы владеете всеми богатствами поверхности! Ну, почти владеете. Говорили, карта была у Майора, вот только она пропала вместе с хозяином. Может, и так, но я ни разу не видел у него что-либо подобное...

– Красивая сказка, босс.

– Это вовсе не сказка!

– Какая разница, босс? Наверху за два десятка лет мало что сохранилось. С каждым годом мародёры приносят всё меньше и меньше ценного. Так говорят, босс.

Сайгону нечего было на это возразить.

– А хотите, анекдот расскажу? В тему? – Лектор, не дожидаясь согласия, начал: – Идут однажды по туннелю Алексеевич, Космос и Майор, а навстречу им...

Впереди, за границей сектора, освещённого карбидкой, послышался негромкий всплеск. Лектор замолчал. Гильза застыла с открытым ртом. А Сайгон уставился на перевозчика, который как ни в чём не бывало двигал плот дальше. На воде покачивалась ещё одна оранжевая каска. Она прямо так и говорила: «Ну же! Возьми меня, возьми! Авось прижмётся!».

Сайгон мотнул головой, прогоняя наваждение.

И тут он увидел, как в воде промелькнуло что-то белое и длинное. Только он открыл рот, чтобы спросить о тварях, обитающих в здешних водах, как плечо его пронзила боль. Резкий рывок – и он взмыл в воздух, оторвавшись от резины плота. А в следующее мгновение с головой погрузился в воду. И тут же открыл глаза.

Вода была на удивление прозрачной, и света карбидки на плоту вполне хватило, чтобы увидеть двух монстров, плавающих рядом. Проталкивая себя хвостами сквозь воду, они словно прикидывали, куда лучше укусить человека, вторгшегося на чужую территорию.

Это протеи, понял Сайгон, только слишком уж большие и чрезмерно активные. И слепые. Тварям, живущим в подземных реках, глаза ни к чему... Всё-таки не зря он посещал юннатский кружок.

Вода взволновалась. Кто-то ещё покинул плот не по своей воле. Протеи резко ушли в сторону, исчезнув из поля зрения Сайгона. Выпуская через нос пузыри, он завертел головой, опасаясь, что мутанты зайдут со спины или поднырнут снизу. Второй вариант, как выяснилось, ему не грозил – ягодицами он упёрся в шпалы. Сообразив, что достиг дна озера, Сайгон вскочил на ноги. Воды до подбородка, уже легче.

Рядом барахталась Гильза. В глазах её читался лютый ужас. Она то и дело уходила в воду с головой, тут же выныривала, кашляя и плюясь, и опять погружалась. Мокрые распущенные волосы облепили её лицо.

На плоту, встав в полный рост, вцепились друг другу в глотку перевозчик и нигериец. Двоих Харону удалось сбросить в воду, но с Лектором не так-то легко совладать. Он хоть и тощий, но жилистый.

Сглазил! Харон двинул кулаком в висок нигерийца. Сайгон охнул. От такого удара лично он испустил бы дух. Но нет, Лектор не ослабил хватки, хотя сознание его помутилось. Ещё удар – и он упал на колени, потащив за собой Харона. Накренившись, плот зачерпнул воды. Харон пытался оторвать от горла руки бродяги – безуспешно. Тогда перевозчик вновь размахнулся, а силы ему, похоже, не занимать. Вот-вот он сломит сопротивление каннибала. Причём сломит – в прямом смысле.

А значит, Лектору нужна помощь. Срочно!

Но и Гильза в беде. Она не только тонула там, где утонуть невозможно, но и верещала от боли. Что случилось?! Вода вокруг девушки окрасилась алым. Над поверхностью мелькнул изгиб белой спины. На Гильзу напали протеи и самой ей не отбиться!

Лектор?..

Гильза?..

Кому нужнее помощь Сайгона?!

Пацок вас закусай! Отталкиваясь от дна, Сайгон двинул к девушке, кляня себя за драгоценные секунды, потраченные на выбор. Конечно же, первой он должен спасти рыжую бестию, пообещал ведь доставить её на Берестейскую. А свои обещания Сайгон выполняет вопреки всем каверзам судьбы.

– Мамочка!!! Помогите!!! – Девчонка хлопала ладошками по воде.

Сайгон нырнул и проплыл несколько метров под водой, спугнув протея, уже изготовившегося к атаке на амазонку. И стоило только Сайгону оказаться рядом с Гильзой, она так вцепилась коготками ему в загривок, что он сам едва не заверещал от боли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.